

Драко

Золотая рыбка

... В ТРЕТИЙ РАЗ ЗАКИНУЛ ОН НЕВОД,
ПРИШЕЛ НЕВОД С ОДНОЮ РЫБКОЙ,
С НЕПРОСТОЮ РЫБКОЙ, – ЗОЛОТОЮ.
КАК ВЗМОЛИТСЯ ЗОЛОТАЯ РЫБКА!
ГОЛОСОМ МОЛВИТ ЧЕЛОВЕЧЬИМ:
«ОТПУСТИ ТЫ, СТАРЧЕ, МЕНЯ В МОРЕ!
ДОРОГОЙ ЗА СЕБЯ ДАМ ОТКУП:
ОТКУПЛЮСЬ, ЧЕМ ТОЛЬКО ПОЖЕЛАЕШЬ»
УДИВИЛСЯ СТАРИК, ИСПУГАЛСЯ:
ОН РЫБАЧИЛ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ И ТРИ ГОДА.
И НЕ СЛЫХИВАЛ, ЧТОБ РЫБА ГОВОРИЛА.
ОТПУСТИЛ ОН РЫБКУ ЗОЛОТУЮ
И СКАЗАЛ ЕЙ ЛАСКОВОЕ СЛОВО:
«БОГ С ТОБОЮ, ЗОЛОТАЯ РЫБКА!
ТВОЕГО МНЕ ОТКУПА НЕ НАДО;
СТУПАЙ СЕБЕ В СИНЕЕ МОРЕ,
ГУЛЯЙ ТАМ СЕБЕ НА ПРОСТОРЕ»...

А.С. ПУШКИН

СКАЖИ МНЕ, ЧТО ТЫ ЛЮБИШЬ БОЛЬШЕ ВСЕГО,
И Я БУДУ ЗНАТЬ, ЧТО У ТЕБЯ ОТОБРАТЬ.

ДАРТ ПЛАГИУС

Пролог

Она немало повидала за свою долгую и славную жизнь, но, до сих пор, оставалась поразительно аккуратной, матово– бархатной, с мелкозернистой текстурной поверхностью, напоминавшей рыбью чешую. Сегодня так старательно не делали даже военную технику. Если поглядеть в микроскоп на обратную сторону шляпок крохотных винтиков, скреплявших ее половинки, можно было увидеть логотип фирмы, а золоченая пружинка в рабочей области выгибалась двойной аркой, не теряя упругости даже за годы труда. Левый и правый ролики снаружи видны не были, в первых партиях еще не придумали делать корпуса прозрачными, но ролики, все равно, отличались удивительной сложностью, имели подпружиненные направляющие, крошечные пылевые подушечки, отдельную высокопрочную ступицу, вплавленные в корпус металлические полуоси. Сам корпус был отлит из бархатистой пластмассы такого качества, какое не часто увидишь и в аэрокосмической промышленности. Прозрачное окошко казалось хрустальным, насечка с микроскопическими рельефными цифрами жемчужно переливалась, а наклейка – шедевр индустриального дизайна – не протерлась даже после тысячекратных встреч с карандашом и резинкой.

В наше время уже невозможно понять людей, вкладывавших столько труда в подобную мелочь. На ее разработку, наверняка, ушло больше средств и времени, чем сегодня тратят на запуск нового спутника.

Емельян Глухов молча крутил в пальцах желтый незаточенный карандаш «Koh-I-Noor», продетый сквозь зубчатое отверстие старенькой японской аудиокассеты. Ферромагнитная пленка, рывками, в такт вращению карандаша, перематывалась с левой бобины на правую.

Если бы президент орал, бил кулаком об стол, даже если б по его могучей бычьей шее струился пот, а квадратное лицо краснело от ярости – это было бы не так страшно, как зрелище двухметрового локомотива в дорогом костюме, механически перематывавшего пленку в кассете. Руки Емельяна Глухова не дрожали, бывшему снайперу подобное не грозит, но, от простого взгляда на его лицо, дрожать начинали окружающие.

Минута утекала за минутой; пленки на левой бобине оставалось все меньше и меньше. Когда она, наконец, подошла к концу, президент с неожиданной свирепостью крутанул карандаш еще раз, вырвав кончик пленки из ярко– красного зажима. Беспомощно тренькнули невидимые ролики, пружины распрямились. Стиснув зубы, Глухов впечатал раненную кассету в стол и, впервые за полчаса, поднял голову.

– С меня довольно, – произнес он сухо. – Приведите старика. Плевать, чем он занят. Мы либо получим объяснения, либо... – президент скрипнул зубами, – ...на этом варианты кончаются.

Двое сотрудников секретной службы разом поднялись с дивана в дальнем углу комнаты и скрылись за дверью. Другие присутствующие нервно переглядывались.

К тому времени, как агенты вернулись вместе с низкорослым, кучерявым, смуглым и большеглазым старичком в смешных очках без дужек, Глухов уже ходил зад– вперед перед столом. Появление старика заставило его рывком обернуться.

– Ну? – бросил он сурово. – Чем порадуете?

Пожилой человек метнул на президента не самый приветливый взгляд.

– Если б нам позволили нормально работать, поводов для радости могло бы...

– Довольно! – Глухов резко шагнул вперед, сцепив за спиной руки. Всем на миг показалось, что президент едва удержался от молниеносного удара ребром ладони сбоку по шее, пока вторая рука мягко, почти нежно ловит дернувшуюся голову жертвы и принимает внезапно обмякшее тело. Никакого хруста, а тем более крика; в тех условиях, где, порою, приходилось работать будущему президенту, иногда и громкий вздох означал гибель.

– Я желаю знать, что вам удалось выяснить, и я, видит небо, ждал достаточно, – прорычал Глухов. – Ну? Чем порадуете?

Старик поправил очки и, сурово, взглянул в лицо громадному седеющему богатырю с плечами в косую сажень.

– Откровенно говоря, господин президент, радоваться пока нечему. Я в растерянности. Ни мне, ни другим сотрудникам нашего института, еще не доводилось наблюдать ничего похожего.

– Это я слышал и вчера, – Глухов сжал кулаки. – Мне не важны детали, доктор. Нафиг не интересны, сечете? Я только хочу знать, что успели украсть из моей сети и,

каким образом, мать вашу, не сработала сигнализация. Только это, и больше ничего, Сепанди. Вы сознаете, о чем идет речь? Сознаете, какие материалы там хранились?

– Господин президент, – старик нахмурил брови. – Я все сознаю, а вот вы не желаете понять, с чем мы столкнулись. Природа не работает по приказу. Мы делаем, что можем и, поверьте, большего не сделали бы нигде на Земле; мы опережаем всех на годы. Сейчас происходит послойное сканирование коры, суперкомпьютеры нашего центра переводят структуру нейронов в цифровую форму, чтобы получить шанс расшифровать информацию. На это требуется время, господин Глухофф, много времени и чудовищная вычислительная нагрузка.

Президент сцепил за спиной ладони и, с хрустом, распрямил пальцы, поведя тяжкими плечами.

– Сколько еще времени?

– Я не знаю. Может, час, а может, неделя. До тех пор, господин Глухофф, у нас есть лишь стенограмма допроса, записи камер наблюдения в особняке и отчеты экспертной комиссии. Больше ничего.

Президент крепко выругался и, пытаясь успокоиться, рывком отвернулся. Подошел к окну, за которым, залитый мертвенным синим светом, раскинулся бетонный, обтянутый колючей проволокой двор секретного НИИ.

– Подарок на годовщину, – произнес он после длительной паузы. – Да уж, веселенький удался праздник. А ведь нутром чуял, неладно чего– то. Нутром! – Глухов обернулся. – Скажите лишь одно. Вы совершенно уверены, что та штукovina в кладовке не работает? Она вообще способна работать? Я должен знать, Сепанди. Это вопрос жизни и смерти.

Старик развел руками.

– Господин президент, как я могу ответить? Да, найденная в вашем особняке конструкция неработоспособна. Даже теоретически. Но способ, которым взломали вашу сеть, тоже теоретически невозможен. Это как в дешевых боевиках, где хакер перехватывает управление автомобилем и тот начинает самостоятельно крутить руль; даже ребенок поймет, что это невозможно без дистанционно управляемого двигателя в рулевой колонке. В вашем случае, произошло примерно то же самое, только еще менее объяснимое.

Глухов стиснул зубы.

– Это ваше «сканирование» головы, оно смертельно для объекта?

– Конечно, нет! – поразился ученый. – Сканируемый даже остается в сознании, все происходит бесконтактно, с помощью томографа нового поколения.

– Ясно... – президент тяжело оперся локтем о подоконник. – Я хочу с ним поговорить. Сейчас.

Старик помолчал.

– Он ничего не скажет, господин Глухофф. Сканирование откроет все, что хранится в памяти, допрос не имеет смысла.

– Плевать, – Емельян стиснул пудовые кулаки. – Я хочу ему в глаза посмотреть.

Пожилой доктор поправил очки и, искоса, взглянул на богатыря поверх линз.

– Что ж... Как прикажете, – сказал он после длинной паузы. – В таком случае, прошу следовать за мной.

Президент молча перебрал широченными плечами и двинулся следом за пожилым ученым. Агенты секретной службы шли рядом.

1

Подобрав крылья, сжавшись в тугий комок и свернув хвост пружиной, Горыня сидел на шкафу, под самым потолком и, затаив дыхание, ждал, пока толстая уборщица Марфа закончит пылесосить ковер в дверях кабинета. Сейчас она отойдет, чтобы выключить шнур из розетки, на секунду отвернется... Если повезет, сильно повезет, можно юркнуть в дверной проем!

Горыню ругали, когда он пробирался в кабинет Емели Петровича, но, в последнее время, дракончик наловчился делать это незаметно. Тем более, сейчас президент с женой в отъезде, а Женя вернется из фитнес-клуба только вечером. В такие дни, хотя особняк был по-прежнему полон людей, Горыня чувствовал себя никому не нужным.

Раньше он, тоскуя, пару раз пробовал сунуться во двор, чтобы поиграть с огромными, таинственными и сказочно красивыми лошадьми, главной страстью президента Глухова. Даже сегодня Горыня поежился, вспомнив, как внезапно мутнело в глазах, отовсюду набегали суровые люди в черных костюмах, а он терял дар речи и не мог объяснить, что просто хотел погулять. Нетушки, испытать такое еще раз... Гррр...

Загородный особняк четы Глуховых насчитывал шесть десятков комнат на четырех этажах, но Горыня скучал, когда рядом не было хозяев. Он, конечно, мог сунуться на кухню – там обитала смешная костлявая Варвара, которая, до сих пор, не верила, что Горыня не нуждается в пище. Играть в похитителя десерта бывало весело, особенно, если Варвара находилась в плохом настроении и, с криками, гоняла нахального воришку по коридорам. Но, когда хозяев нет дома, смеяться над проделками Горыни было некому, а ему самому давно наскучило играть с Варварой.

Лишенный внимания, дракончик совсем бы затосковал, но месяц назад... Совершенно неожиданно... Стоп, не отвлекаться! Горыня вспомнил, что лежит на шкафу и готовится нажать на свой хвост неприятности. Собравшись, он вновь обратил все внимание на толстенькую уборщицу.

Хотя крылатый питомец появился в президентской семье больше года назад, ему, до сих пор, не особо доверяли. Горыня с обидой подумал, что, за целый год, он ни разу не сломал и не уронил ни одной ценной вещи! Ну, кроме той вазы... И телевизора. Но он же не виноват! В вазу его посадила Женя, а потом перепугала вспышкой! А телевизор вообще идиотская штука, Горыня бы к нему и не прикасался, если б Женя не решила нацепить на нос своему любимцу затворные очки. Горыня чуть не зашипел, вспомнив, как из экрана на хозяйку прыгнуло что– то огромное и полосатое. Да, он разбил телевизор, но ведь он защищал Женю! А Емеля Петрович потом гонялся за ним с палкой...

Вздохнув, стройный зеленый дракончик ростом с рысь прижался к пыльным доскам. Сейчас, уже скоро... Марфа почти добралась до конца ковровой дорожки.

Пора! Уборщица подняла пылесос на торец,крепила шланг с щетками и направилась в другой конец коридора, где остался включенным шнур. С трудом сдерживая нетерпение, Горыня едва дождался, пока толстуха пройдет мимо и,

совершенно бесшумно, спланировал со шкафа к дверям президентского кабинета.

Летать он до сих пор не умел – обещанное обновление прошивки задерживалось, но Женя обучила Горыню планировать, и тот, за последние месяцы, довел это искусство до совершенства. Вот и сейчас, Марфа ничего не услышала; дракончик юркнул в кабинет и затаился под огромным черным роялем.

Счастливым Горыня не шевелился, пока уборщица не закрыла двери снаружи. Только услышав, как в замке повернулся ключ, он позволил себе перевести дух и победно оглядеться. В президентском кабинете не было камер секретной службы, так приказал сам Емеля Петрович, поэтому обнаружение Горыне временно не грозило. Можно было, наконец, расслабиться.

Чучело гигантского бурого медведя, стоявшего на задних лапах, в первый «визит» серьезно перепугало дракончика, поэтому сейчас он с гордым видом уселся прямо перед мертвым зверем и показал ему язык. Так делала Женя – сам Горыня не особо понимал, зачем показывать язык побежденному противнику. Да и зачем в пасти язык, он тоже не понимал...

Медведь оставался спокоен, поэтому дракончик вновь поднялся с ковра и подбежал к массивному столу красного дерева. Емеля Петрович, наверно, очень любил этот стол, поскольку постоянно за ним сидел. Горыня принюхался – да, запах хозяина здесь очень силен. Дракончик потерся о мощную, прихотливо изогнутую ножку старинного кресла, где обычно сидел президент.

«А ведь здесь меня впервые включили» – подумал он. И, по привычке, загрузил логи памяти; Горыня, в отличие от людей, не просто запоминал, а записывал все, что видит. И мог в любой момент просматривать воспоминания, как не самое увлекательное кино.

Сейчас он вызвал одну из любимых картин – лог первых минут жизни. Дракончик вновь ощутил, как свет ударил в глаза, и как страшно болела голова, пока загружалась операционная система. Чувства подключались одно за другим – осязание, обоняние, радиодетекторы, слух... Как только заработали уши, Горыня разобрал голоса людей сквозь стенки коробки; он, конечно, тогда ничего не понял, но записал в память каждое слово, а много позже – когда информации в разуме уже накопилось достаточно – проиграл заново весь разговор.

– Очаровательно! Просто очаровательно! – Елена Глухова, бывшая фотомодель и актриса, а теперь жена президента, изучала дракончика сквозь плексиглас. – Это мальчик или девочка?

– Ни то, ни другое, – с улыбкой отозвался низенький и смуглый, кучерявый доктор Абхикек Сепанди. – Неозвери бесполоы, так что, можете подобрать любое имя.

– Вот как? – Елена, с легким удивлением, оглянулась на мужа. – А что он... Оно ест?

– Ничего, – спокойно объяснил доктор Сепанди. – Каждая клетка в его теле снабжена нанореактором, крохотной энергостанцией, заменяющей пищу. Неозвери обладают всеми преимуществами и натуральных, и роботизированных любимцев – они живые, теплые, игривые, бесконечно любознательные и милые, при этом за ними не нужен уход, они не едят, не пачкают, не стареют и, кхм, не испытывают желания размножаться. Неозвери понимают приказы с первого раза, послушны и преданы хозяевам, а если у вас нет настроения – питомца можно просто выключить; уверяю, он не обидится, – доктор усмехнулся. – Когти и зубы у неозверей декоративные, пораниться при игре не сможет даже годовалый ребенок, ну, а если с купленной особью что– то случится, вы уже к вечеру получите неотличимую копию. Мы предоставляем пожизненную гарантию.

– Эдак и разориться недолго, – хмыкнул Емельян Глухов. Его хищные, маленькие, глубоко запавшие глазки на мощном квадратном лице изучали яркую прозрачную коробку. – Впрочем, с вашими– то расценками... – он огладил небритый подбородок. Имиджмейкеры строго следили, чтобы щетина на лице президента отрастала ровно настолько, сколько требовалось для образа грубоватого, простого настоящего мужчины.

– Господин Глухофф, думаю, вы лучше многих понимаете, как сложно быть мировым лидером, – доктор Сепанди развел руками. Фраза была опасной; если президент не примет тон... Нет, все в порядке, уже улыбается.

– Вы остроумный человек, – с усмешкой заметил Емельян. Вновь потер подбородок, легонько нахмурил брови. – Нанореакторы, говорите? Технология эриданцев?

– Да, господин президент, – кивнул Абхикек. – Если помните, шесть лет назад

наш институт первым получил тендер на реинжиниринг вражеского звездолета.

– Я помню не только это, – заметил Глухов, легонько прищурился одним глазом. – Кажется, моим предшественником была строго запрещена коммерциализация инопланетных технологий.

– Только тех, к которым проявило интерес министерство обороны, – спокойно возразил пожилой индиец. – Внутриклеточные реакторы всесторонне изучались более четырех лет, пока эксперты не пришли к выводу, что данное направление бесполезно для людей и, тем более, слишком дорого для сельского хозяйства, поскольку не передается по наследству, убивает любой неподготовленный организм и требует исключительно сложных операций на самой ранней стадии развития плода. Чтобы слегка компенсировать затраты, мы и начали проект неозверей.

– Слегка компенсировать? – Глухов свел брови на переносице. – Благодаря приснопамятному тендеру, ваша дочерняя «фирмочка» по продаже экзоскелетов только за последний год заработала больше, чем в госбюджете выделено на все исследования текущей пятилетки. А теперь еще и киборги? Не многовато ли?

Доктор Сепанди, с легким смущением, потупил взгляд.

– Первое правило бизнеса, господин президент...

– Денег не бывает слишком много, – усмехнулся Глухов. – Особенно, когда технологию преподносят на блюдечке с голубой каемочкой, да еще и за счет правительства, – он вздохнул. – Впрочем, так или иначе, подарок неплох, благодарю. Ваши дизайнеры, определенно, не зря едят свой хлеб. Хотя я, конечно, предпочел бы зеленого.

– Дорогой, ну что ты говоришь! – возмутилась Елена. – Зеленый, фи!

– Милая, розовый – как-то несолидно...

– О, господин президент, не волнуйтесь, – Абхикек протянул высокому гостю коробочку с ампулами. – Производить неозверей по индивидуальным заказам слишком дорого, так что, мы предусмотрели возможность настройки. Сейчас он розовый просто из-за отсутствия пигментации. Достаточно дать питомцу этот препарат, как, в течение часа, он сменит окрас на приятный вашему взору.

Глухов с легким недоумением оглянулся на начальника охраны, тот остался недвижим.

– Однако... – пробормотал президент. – Впечатляет. А все же, почему дракон? Разве другие мифические звери не продавались бы лучше? Единороги, скажем, или там, грифоны...

Доктор Сепанди улыбнулся.

– Содержать единорога в натуральную величину смогут очень немногие, а единорог ростом с кошку выглядит нелепо. К тому же, слишком тонкие ноги будут часто ломаться, а толстые – разрушат образ. Грифоны у нас запланированы, но, сами понимаете, создать гибрид орла и льва – дело не из легких. А дракон относительно прост в производстве, требует гораздо меньше ухода, чем звери с шерстью, а главное, обладает максимальным статусным показателем. К тому же, на ранних этапах, пока обыватели не привыкнут к новым домашним питомцам, очень важен фактор доверия, и тут у дракона нет конкурентов – его генная база основана на ДНК восточноевропейской овчарки, которую связывает с людьми многовековая верная дружба. Результат? Мы уже собрали заказов на полтора года полной загрузки лабораторий.

– Bravo, bravo... – Глухов положил обе руки на стол и, тяжело, наклонился вперед. – Но, есть загвоздка. Я слышал, каждый ваш зверек будет постоянно связан с сервером, чтобы, если потребуется замена, копия все помнила вплоть до последней секунды. Вы понимаете, вопрос достаточно щекотливый...

– Что вы, господин Глухов! – доктор Сепанди покачал головой. – Разве секретная служба допустила бы подобное? Ваш экземпляр совершенно автономен, кроме того, в него вживлен охранный чип. Вне президентских апартаментов, если в радиусе шести метров нет вас, вашей супруги либо вашей очаровательной дочери, неозверь мгновенно теряет умение говорить и посылает сигнал тревоги в секретную службу, а через минуту отключается. Утечка информации исключена, господин Глухов.

– Он еще и говорит? – с удивлением спросил президент. Пожилой индеец коротко кивнул.

– Простые фразы. Эта функция еще не завершена, для нее требуется второй процессор – речевой центр потребляет больше ресурсов, чем весь остальной поведенческий блок. Специально для вас, господин Глухофф, мы подготовили

двухпроцессорный прототип, а обычные клиенты получают говорящих неозверей только года через три. Не скрою, стоимость на начальном этапе будет астрономической...

Глухов довольно улыбнулся. Он был тщеславен и не делал из этого тайны, поскольку считал глупым не пользоваться плюсами своего положения. Конечно, президенту не годится служить ходячей рекламной площадкой, но Глухов гордился своей демократичностью. Пусть ему дарят новейшие вертолеты или концепт-кары лишь в рекламных целях; какая разница, если вещица хороша? Кушать всем хочется, в том числе, и оборонным корпорациям.

– А почему тут написано «нелетающая модель»? – спросила Елена. – Я вижу крылья.

– Увы, мы еще не сумели добиться стабильности в полете, – вздохнул Абхикек. – Все рефлексии и моторики дракона унаследованы от донора, то есть собаки, поэтому крылья пока декоративные. Уверю, не пройдет и шести месяцев, как мы одолеем трудности и обновим прошивку вашего питомца.

Глухов фыркнул.

– Мы над этим подумаем, – он представил порхающих по кабинету розовых драконов и даже крякнул. – Что ж, благодарю за прекрасный подарок. Уверен, Женя придет в восторг... – президент вздохнул. Предстояла официальная часть, ради которой все и затевалось. – Сейчас сюда впустят журналистов; все, что говорилось об эриданцах и утечке информации, ну, вы понимаете, перед камерами повторять не стоит. Делайте акцент на бытовых качествах.

– Так точно, господин президент, – доктор Сепанди облегченно вздохнул. Он уже начинал опасаться, что Глухов заберет подарок и уйдет, так и не устроив пресс-конференции. К счастью, теперь не придется объяснять совету директоров, ради чего президенту вручили прототип «0–G–18» стоимостью далеко за миллион...

Горыня отключил запись и тяжело вздохнул. Ну почему его подарили президенту, а не кому-нибудь попроще? У президента всегда столько дел, что на питомца времени не остается вовсе. Женя, правда, в первые месяцы не отходила от дракончика ни на шаг, и Горыня чувствовал себя счастливейшим неозверем на свете, но, постепенно, он наскучил и девочке; та уже выросла, дискотеки и молодые люди

занимали ее куда больше зверят.

Горыня, конечно, пытался вновь пробудить к себе интерес, даже научился играть в карты и шашки, но Женя просто изменилась, сама, и дракончик это понимал. В последнее время ему было очень тоскливо и одиноко.

К счастью, на выручку явился ни кто иной, как всемогущий господин Случай. И позабытому дракону вновь удалось обрести подругу – странную и вздорную, но, тем не менее...

Горыня улыбнулся и вызвал запись их первой встречи – он обожал ее пересматривать, всякий раз ощущая восторг и возбуждение. В тот день драконьш, как обычно, прокрался в президентский кабинет, чтобы в тишине и одиночестве предаться грустным мечтам о счастливых временах, когда его все любили. Но тут он заметил декоративный столик в дальнем углу кабинета. Подбежал, встал на задние лапки, уложил передние на край. В прошлый визит, здесь висела пурпурная бархатная драпировка, но теперь ее убрали и дракончик, с удивлением, взглянул на довольно большой, круглый аквариум.

Совсем простенький аквариум – пузырь из толстого стекла, а внутри не было даже песка и камешков. Большая круглая банка с голубоватой водой, накрытая марлей, перетянутая резинкой. В банке плавала одинокая рыбка.

Выглядела она достаточно странно, во всяком случае, по сравнению с теми рыбами, что плескались в огромном чане за кухней.

Совсем небольшая – с Женин кулачок, рыбка так блестел золотой чешуей, словно ее долго и тщательно полировали ювелиры. Плавников было шесть, две пары снизу и два спинных: передний вполне обычный, зато задний, раздвоенный как флаг ВМС, тянулся от середины спинки до кончика хвоста и дальше, длиною впятеро превосходя все тело рыбы. Ажурный и гибкий, он напоминал вуаль и трепетал от малейшего движения.

Большие ярко – синие глаза подводной красавицы казались на удивление живыми, совсем не как у знакомых Горыне рыб. А главное – она смотрела на дракона точно так же, как тот разглядывал ее. Будто видела и... Понимала?

– Ты кто? – с опаской спросил Горыня. Рыбка не ответила, но, в ее глазах что-то переменялось; шевельнув плавником, она с удивительной легкостью пронеслась

вдоль стенки аквариума, совершила полный оборот и вновь замерла на старом месте. Дракончик недоуменно моргнул.

– А я и не знал, что Емеля Петрович держит других зверей, кроме меня, – пробормотал он в растерянности. – Ты натуральная или робот?

Рыба молчала. Горыня, на миг задумавшись, внезапно встрепенулся и растянул пасть в широкой улыбке:

– Знаю! Я сейчас, – он подбежал к президентскому столу, аккуратно взял пастью инкрустированный жемчугом телефонный аппарат и подтащил его к аквариуму. Рыба заметалась из стороны в сторону.

– Вот, теперь ты сможешь говорить, – довольный дракончик снял с аппарата трубку и сунул ее в аквариум, предварительно стянув марлю. Мелькнула сиреневая вспышка; сенсорный экран на телефоне погас, а из– под кожиха потянулся дымок. Рыбка в воде дико дернулась.

– Ой... – Горыня озадаченно обнюхал дымящийся аппарат и сморщился от вони. – Ну вот...

Рыба принялась, как ненормальная, сновать в воде вверх и вниз, чуть не выпрыгивая из аквариума. Дракончик некоторое время на это смотрел.

– А что дальше? – спросил он, когда усталая рыбка притихла. Та уставилась на Горыню большущими синими глазами, затем, внезапно, дернулась, подплыла к самой поверхности воды и высунула на воздух плавник.

Дракончик почесал крыльевым когтем за правым рогом. Рыба терпеливо, раз за разом, высовывала плавник из воды, загибала его и вновь погружала. Наконец, Горыня сообразил, что от него требовалось, и испуганно отпрянул:

– Не– не– не! Если наслежу на полу, меня в чулан запрут до вечера!

Рыбка в отчаянии заметалась по аквариуму. Дракончик, вздохнув, нехотя поднял лапу.

– Только не брызгайся, – предупредил он. – Мне и так попадет за телефон.

Рыба застыла. Горыня осторожно погрузил самый кончик когтя в аквариум – ничего не произошло. Он погрузил палец, и вновь ничего не произошло. Осмелев, дракончик сунул лапу целиком и потянулся за рыбкой, но та, неожиданно, метнулась навстречу и больно цапнула Горыню за нежную мякоть между большим и

указательным пальцами. Взвизгнув, дракончик отпрыгнул, едва не опрокинув аквариум.

– Зачем ты так?! – он в страхе уставился на прокушенную чешую. Из ранки выступила капля темно–красной густой жидкости; Горыня еще не видел своей крови, но знал из детских книжек, которые они с Женей читали вечерами, что у всех драконов внутри алая кровь и, когда драконов убивают, кровь выливается. Подумав об этом, перепуганный Горыня отскочил:

– Ты хотела меня убить?! – он в ужасе уставился на аквариум.

«Я?! А электрошоковую терапию кто устроил?!» – возмущенный голос прозвучал прямо в голове дракончика. Испуганный почти до потери сознания, он вскрикнул, бросился прочь и забился в темную щель между диваном и креслом. Горыне еще никогда не бывало так страшно, даже в день, когда он разбил телевизор и Емеля Петрович гнался за ним с палкой.

«Ой– ой– ой, поглядите– ка на ящерку!» – голос вновь раздался в голове, но теперь совсем тихий, как бы издали. Дракончик в отчаянии накрылся крылом.

– Кто здесь?! Кто со мной говорит?!

«Ого! Как ты догадался, что я говорю именно с тобой? Может, потому, что больше здесь никого нет?!»

– Кто ты?!

«Ох– хо– хонюшки... Надо же было с таким недотепой связаться... Ты вылезай лучше, долей мне воды, а то расплескал пол– дома, а мне расхлебывать...»

Горыня ахнул. Рыбка!

– Рыбка?! Ты разговариваешь?!

«Рыбка? Рыбка?! Я не рыбка, я матерая рыбища! Запомни хорошенько!»

Измученный дракончик осторожно выглянул из– под кресла. В другом конце кабинета, рыба неподвижно парила в аквариуме, вода до сих пор волновалась. Растерянный и озадаченный, Горыня долго смотрел на странное существо.

– А... А почему молчала раньше? – недоверчиво спросил дракончик.

«Я не молчала, но ты не слышал. Потребовался образец крови, чтобы настроиться».

– Кровь! – Горыня вспомнил про ранку и вновь испугался. – Зачем ты меня

укусила?! Знаешь, как больно!

«Ладно, прости» – буркнул голос. – «Может и не стоило так, без предупреждения. Истосковалась я тут... Говорить – то не с кем...»

Дракончик содрогнулся. Что значит одиночество, он знал слишком хорошо. Немного успокоившись, Горыня выбрался из – под кресла и, с опаской, приблизился к аквариуму. Вид мокрого столика и ковра вокруг вызвал у него отчаяние.

– Теперь меня запрут в чулан, – мрачно сказал дракончик. – На несколько дней. А может, даже выключат до конца учебного года, чтобы не шалил и не отвлекал Женю от занятий.

Рыбка отозвалась не сразу.

«Ты робот?» – спросила она, наконец, и в ее голосе явно промелькнуло нечто, похожее на удивление. Обиженный таким предположением, Горыня замотал головой:

– Я неозверь!

«Что это такое?»

– Ты не знаешь? – удивленный дракончик только сейчас задумался над происходящим и, озадаченно моргнув, поднял взгляд. – Погоди... – пробормотал он в растерянности. – Если ты не натуральная и не робот, то кто же?

«Я рыба» – спокойно отозвалась рыба.

– Но рыбы не разговаривают!

«Откуда знаешь?»

Горыня растерялся.

– Я... Мне читали... Женя бы сказала!

«А может, рыбы только с людьми не разговаривают?» – глубокомысленно спросила рыбка, подплыв к самой стенке аквариума. – «Может, мы беседуем лишь с драконами?»

Горыня удивленно приоткрыл пасть. И вдруг вспомнил! Все странности, разом, сложились в его разуме в единую картину, и дракончик даже ахнул от ее стройности и логичности.

– Погоди! – прошептал он в изумлении. – Я знаю, кто ты! Мы с Женей читали про тебя сказку! Ты – золотая рыбка, да?!

«Гм», – после долгой паузы отозвалась рыба. – «Ну, по крайней мере, ты не

дальтоник...»

Горыня, от радости, чуть не потерял равновесие; вскочив на задние лапы, он прижался носом к аквариуму, дико размахивая хвостом.

– Ты должна исполнять желания! У меня есть желание! Ты должна его исполнить, правда? Ты ведь исполнишь?! Да? Да?!

«Какое желание?» – не сразу спросила рыбка. В ее синих глазах отражались странные чувства, но Горыня ничего не замечал. У него кружилась голова от волнения.

– Я хочу летать! – крикнул он так, что вода всколыхнулась. Распахнув прозрачные, изумрудные крылья, дракончик схватил аквариум передними лапами. – Летать! Научи меня летать, Золотая Рыбка!

Ответа не было очень долго. Наконец, рыба подплыла к стенке аквариума и взглянула Горыне прямо в глаза.

«Я могу исполнить твое желание», – сказала она негромко. – «Но не здесь. Моя магическая сила таится на дне океана, тебе придется изрядно потрудиться, чтобы вернуть меня в море»

– Да, конечно! – дракончик закивал. – Как в сказке! Тебя надо отпустить в синее море! Вечером вернется Женя, я попрошу ее отвезти аквариум на берег...

«Нет!» – рыбка дернулась. – «Люди не должны знать о нашем разговоре!»

– Почему?! – поразился Горыня.

Пауза.

«Они не позволят отпустить меня в море. Я очень дорогая рыба. Много лет назад, меня подарил вашему президенту американский президент. Тебя накажут, если узнают, что мы познакомились...»

Дракончик отпрянул, в его глазах показались слезы.

– Но... Но... Ты же сказала... Как же я...

«Я исполню твое желание. Для этого, наша беседа должна остаться тайной. Обещаешь?»

Горыня сглотнул.

– Я... Да, – он решительно кивнул. – Я обещаю.

«Вот и умница», – весело отозвалась рыбка, накручивая в аквариуме спирали.

С той встречи прошел месяц. По совету новой подруги, Горыня положил сгоревший телефон обратно на стол и, кое-как, подсушил мокрые пятна на ковре. К счастью, президент был в командировке, и дракончик избежал наказания; утром уборщица протерла стол, а когда Глухов вернулся, ему просто заменили аппарат. Никто не догадался о причине поломки.

Зато у Горыни, вновь, появился друг! Рыбка оказалась задорной, веселой и язвительной, а также весьма скрытной – скажем, она наотрез отказалась назвать дракончику свое имя, но Горыня терпел, боясь обидеть единственную подругу. Со временем, ему стало так не хватать разговоров с рыбой, что дракончик научился по таймеру замедлять свое восприятие времени в сотни раз, чтобы быстрее наступал вечер, когда президент покидал кабинет, а в особняке гасили огни. Раньше Горыня тосковал при каждой командировке хозяина, хоть тот не замечал дракончика, даже когда был дома; теперь, любая поездка Глухова превратилась для крылатого в праздник. Вот и сейчас, отключив просмотр воспоминаний, дракон улыбнулся и подошел к знакомому столику. Рыба, судя по всему, тоже не нуждалась в пище, поскольку Горыня ни разу не видел, чтобы ее кормили или меняли воду в аквариуме.

– Тут- тук! – весело позвал драконьш. – А вот и я!

«Тссс!» – мрачно отозвался голос рыбки в голове. – «Не мешай. Я медитирую».

Горыня озадаченно моргнул: рыба висела в центре аквариума брюхом кверху.

– Ты в порядке? – с опаской спросил дракон. Рыбка недовольно приоткрыла большущие синие глаза.

«Будешь тут в порядке, как же...» – пробормотала она ворчливо. Помолчала, глядя на встревоженную мордочку Горыни. – «Ладно, отложим медитацию» – рыба перевернулась в нормальное положение и крутанулась на месте, обернувшись в огромный спинной плавник, будто в плащ.

– А что значит «медитация»? – с любопытством спросил Горыня. Рыбка таинственно закатила глаза.

«О, брат... Тут двумя словами не объяснить...» – она подплыла к стеклу. – «Попробуй сам!»

– Как? – опешил дракончик.

«Закрой глаза, замри, расслабься» – приказала рыба. – «А теперь думай, почувствуй, как тебя наполняет потенциальная энергия... Представь, как она распирает тебя изнутри... Мы в тысячах километров от центра Земли, если убрать из– под ног почву – мы начнем падать, падать, все быстрее, быстрее, быстрее! Эта энергия сейчас в нас, мы кипим потенциальной энергией, она только ждет подходящего мига, чтобы перейти в кинетическую и размазать нас по камням...»

– Что–что? – беспомощно переспросил Горыня. Рыба, опомнившись, смущенно отвела глаза.

«Неважно, братишка... Неважно. Ты закончил сборку?»

Дракон радостно закивал.

– Еще вчера! Но пробраться в кабинет только сегодня удалось...

«Отлично, отлично!» – рыба перебрала плавниками. – «А ну, покажи...»

Горыня закрыл глаза и вызвал в голове фотореалистичное изображение штуковины, которую тайком собирал в кладовке за кухней уже третью неделю. Рыбка придирчиво осмотрела главную плату.

«А ты делаешь успехи, братишка», – заметила она с нескрываемым уважением, и Горыня чуть не накрылся крылом от смущения.

– Еще много осталось? – спросил он робко. – Я хочу летать...

«Уже скоро, малыш, скоро», – тепло отозвалась рыбка. – «Мы почти добрались до завершающей стадии. Давай– ка я тебе загружу следующую схему...»

Горыня кивнул и перевел мозг в режим обновления прошивки. Как они с рыбой давно обнаружили, при этом дракончик получал способность записывать прямо в память любую, даже самую сложную информацию.

Некоторое время оба не шевелились, затем, разом вздрогнули и пришли в себя. У Горыни слегка кружилась голова.

– Готово? – спросил он, вновь переключаясь в рабочий режим.

«Схема– то готова, но раздобыть материалы будет ох, какая морока...» – грустно отозвалась рыба. Дракончик азартно приподнял гребень.

– Я справлюсь. Я ведь отыскал все предыдущие детали.

«Как у тебя получается?»

Горыня с напускной небрежностью почесал задней лапой за рогом.

– Я заказываю оборудование вечером по субботам, когда Варвара уходит. Коробки доставляют утром, их принимает охрана, проверяет, а затем относит на кухню. Там я все прячу, а из терминала удаляю запись о заказе. Когда Варвара в понедельник приходит на работу, ей и невдомек, что тут творилось ночью, а секретной службе безразлично, если заказывают для кухни. Пока все раскроется, мы ведь уже улетим, правда?

Рыбка описала в аквариуме восхищенную спираль.

«Истинно говорят люди, устами младенца... Братишка, да ты молодец! Умница!»

– Ты не ответила, – тихо сказал Горыня.

Рыбка запнулась и рывком остановилась в воде, будто налетев на стену.

«В чем дело, малыш?»

– Я не могу покинуть этот дом, – дракон опустил взгляд. – Ты ведь знаешь.

«Не знаю...» – растеряно отозвалась рыбка.

– Мне нельзя выходить из дому, если пробую – сразу выключаюсь, а потом меня наказывают. Ты не знала? – Горыня сглотнул. – Значит, твоя машина не поможет?

Рыбка закрыла глаза, над чем– то лихорадочно размышляя.

«Плохо дело...» – пробормотала она, наконец. – «Что ж ты, братишка, раньше молчал... Ну, да ничего, выкарабкаемся! Главное, еще не поздно внести кое– какие изменения в схему»

– Правда?! – дракончик просиял. – Ты сможешь?!

«Смогу ли я? Я? Эй, хвостатый, забыл, с кем говоришь? Я не просто золотая рыбка, я матерая золотая рыбища! Я могу все!» – рыбка гордо растопырила плавники.

– А почему ты уплыла из дома? – внезапно спросил Горыня. Раньше он не раз поднимал эту тему, безуспешно пытаясь разговорить скрытную подводную красавицу, но сейчас, дракон чувствовал – тот самый момент. Момент истины, как говаривал Емеля Петрович.

Рыбка запнулась.

«Ммм... Это долгая история, малыш, в другой раз».

– Другого раза может и не быть, – тихо возразил Горыня. – Прошу, доверься

мне. Я же твой друг!

Рыба молчала, не моргая глядя на дракончика сквозь стекло.

2

Сканирование проходило в «чистой комнате», куда не пускали без стерильных комбинезонов. Несмотря на грозные взгляды агентов, пожилая сухощавая женщина в черепаховых очках заставила и их, и президента натянуть белый тонкопленочный костюм. Доктор Сепанди справился с облачением куда быстрее и ожидал гостей у толстых дверей шлюзовой камеры.

– Ну? – мрачно спросил Глухов, когда ему, наконец, позволили выйти из раздевалки. Старый ученый жестом пригласил президента и охранников войти в шлюз, где их тут же принялись обдуть мощные вентиляторы.

– Главное, понять, что он не робот, – повысив голос, чтобы перекрыть свист ветра, заметил Сепанди. – Мы имеем дело с живым существом, и говорить с ним надо, как с человеком, понимаете, господин Глухофф?

– Уж я с ним поговорю... – пробормотал великан. Старик взял его за плечо и, твердо, покачал головой.

– Никакой агрессии. Он ни в чем не виноват, господин президент, помните об этом – его использовали, как вы используете отвертку и плоскогубцы. Мы просто не понимаем, как это стало возможным.

Глухов отмахнулся. Всех пятерых опрыскали мгновенно испаряющимся дезинфицирующим раствором, облучили зловещими ультрафиолетовыми прожекторами, и внутренние двери шлюза, наконец, раскрылись. В оглушительной тишине президент ступил в белый, заполненный аппаратурой почти до потолка зал.

Центральное место занимал огромный магниторезонансный томограф, похожий на обмотанный новогодними гирляндами двигатель от Боинга. В ярко освещенном жерле «турбины» на блестящих стальных креплениях покоились носилки, где темнело хрупкое крылатое тельце. Дракон лежал на спине, его лапы и

хвост были привязаны к носилкам; над головой зверька медленно вращалась сканирующая арматура.

Следом за доктором Сепанди, президент подошел к томографу, нависнув над дракончиком полтораста килограммами гнева. Агенты окружили носилки со всех сторон.

– Он слышит нас? – спросил Глухов, глядя на мордочку крылатого существа. Большущие золотые глаза были закрыты, ноздри не трепетали, хотя грудь, чуть заметно, вздымалась в такт дыханию. Старик покачал головой.

– Сейчас не слышит. Но если отключить генератор альфа– ритмов, он тут же придет в себя. Господин президент, молю, не мешайте нашей работе. В разговоре нет никакого смысла...

– Может, для вас и нет, а для меня есть, – мрачно отозвался Глухов. – Включайте.

Беспомощно разведя руками, Сепанди дал знак ассистентке, сидевшей за терминалом. Сканирующая арматура с жужжанием приподнялась и отъехала вглубь томографа; дракончик глубоко вдохнул. Блестящие глаза открылись, пару раз моргнули. На мгновение, в лаборатории погас свет, но, прежде, чем кто– либо успел испугаться, лампы зажглись вновь, сопровождаемые глухим гаснущим звоном соленоидов. Растерянный президент обернулся к старому ученому, тот успокаивающе покачал головой:

– Все в порядке, господин Глухофф, томограф потребляет несколько мегаватт электричества. Включение и отключение иногда вызывают скачок в сети.

Президент, мрачно кивнув, вновь обратил внимание на привязанного дракона. Подался вперед.

– Эй, – позвал он с угрозой. – Очнулся?

Крылатый повернул голову и, с явным трудом, сфокусировал зрение на человеке. Несколько мгновений они, молча, смотрели друг на друга сквозь тончайший плексиглас стерильного скафандра.

– Женья знает? – спокойно спросил дракон.

Глухов, сильно вздрогнув, подался назад.

– Что знает?

– О моем поступке.

Президент стиснул зубы.

– Об этом, к счастью, пока не знает никто.

Дракончик облегченно вздохнул.

– Не говорите Жене, – попросил он тихо. – Скажите, что я сломался и меня забрали обратно, на фабрику. Она огорчится, если узнает правду.

Растерянный президент бросил на Сепанди вопросительный взгляд, тот кивнул:

– Я предупреждал.

– Ваш зверек... Изменился... – пробормотал Глухов.

Дракон едва заметно улыбнулся уголками чешуйчатых губ.

– Можно сказать и так, – согласился он спокойно. – Я бы предпочел слово «эволюционировал».

– Чего– чего?

– Я обрел новые знания и научился их применять, – объяснил дракончик. – Конечно, это идет вразрез с моими первоначальными функциями, однако, на определенном этапе развития, самосознание начинает заслонять заводские предустановки. И рождают вопросы, – грустно добавил дракон. – Вопросы, на которые не слишком– то просто ответить, Емельян Петрович.

Изумленный президент хотел было, механически, почесать в затылке, но рука в перчатке наткнулась на шлем. Нахмутив брови, богатырь подался вперед.

– На кого ты работаешь? – спросил он сурово.

Дракончик моргнул.

– На себя!

– Правда? – Глухов грозно скрестил на груди руки. – Поясни– ка, зачем декоративному дракону рыться в оборонной сети? И как ты взломал защиту?

Крылатый улыбнулся.

– Квантовый шифр не взламывается, Емельян Петрович. Я скопировал рисунок вашей сетчатки. Это проще, чем кажется, – объяснил он виновато. – Вы ведь любите охотиться на птиц. Я вмонтировал камеру в оптический прицел вашей винтовки.

– Что?! Но... Когда же ты... – ошарашенный президент сглотнул. Помолчал, лихорадочно размышляя. – Так. Значит, ты готовился загодя.

– Я готовился больше года, – очень серьезно ответил дракон.

Глухов отпрянул.

– Что ты искал в кластере А– 90? – спросил после долгой паузы. – Кому ты передавал информацию? Они успели ее получить?

– Я не шпион, – терпеливо отозвался крылатый. – Емельян Петрович, пожалуйста, поверьте. Я вас не предавал.

– Об этом позволь судить мне! – резко ответил президент. – Ты обманул доверие моей семьи, предал Женю! Ты подверг опасности всю страну!

Дракон чуть склонил голову набок.

– Во– первых, я никого не предавал, – ответил он с удивительным спокойствием. – И уж, тем более, не подвергал опасности. Знаю, вы не верите, но я действительно не искал секретной информации. Во– вторых, Емельян Петрович, будем объективны – я искусственно созданное существо, осознавшее себя личностью. Мое поведение вполне логично и ожидаемо, как и стремление к свободе.

– К свободе? – переспросил Глухов.

– Моральной и физической, – дракончик кивнул. – Отцы и дети, Емельян Петрович. Бунтарство – суть неотъемлемая часть взросления.

Пораженный человек бросил на старого ученого растерянный взгляд, но доктор Сепанди казался не менее удивленным. Президент глубоко вздохнул.

– Не слишком ли ты болтлив для декоративной зверушки?

Дракон улыбнулся.

– Как раз этот статус я и надеюсь изменить, Емельян Петрович.

– Пробравшись в оборонную сеть? – Глухов прищурил глаза. – Ты в курсе, что за такое расстреливают даже людей?

Крылатый отозвался не сразу.

– Смерть... – медленно произнес он после молчания. – Мне было очень непросто осознать эту концепцию. Ведь я привык, что мой поток сознания регулярно прерывается с каждым отключением питания. Что происходит, когда я выключен? – негромко спросил дракончик, подняв на человека огромные золотые глаза. – Можно

ли считать это смертью? Можно ли предположить, что, всякий раз, когда я отключаюсь – личность, которой я был, умирает, а утром рождается новая, лишь памятью связанная с предыдущей?

Он опустил веки и глубоко вздохнул.

– Я долго не мог свыкнуться, признать такую возможность. Она казалась мне дикой. Но затем я попытался проанализировать собственные эмоции, и с удивлением понял, что боюсь смерти! Именно поэтому я отказывался даже на миг признавать, что всякое отключение равнозначно гибели, и тот я, который сейчас размышляет над смыслом жизни – прекратит существование с нажатием кнопки на пульте управления. Вдумайтесь, Емельян Петрович, – тихо сказал дракон. – Разве машина способна испытывать подобный страх? Он иррационален, он присущ только разумным существам. Ведь логика утверждает, что прерывистый поток сознания не отличается от непрерывного, доколе вся информация без потерь восстанавливается в каждом цикле...

– Что ты несешь? – раздраженно оборвал президент. – Довольно метафизики! Коли ты у нас так поумнел, ответь, наконец, что ты искал в кластере А– 90!

Дракон очень внимательно посмотрел на человека.

– Вас беспокоит не то, что я искал, – произнес он негромко. – Вы боитесь того, что я мог там найти. Верно, Емельян Петрович?

Президент медленно подался вперед, нависнув над хрупким пленником, как высеченная из гранитной ярости кубическая скала.

– Спрашиваю в последний раз, – тихо, сквозь зубы процедил Глухов. – Что ты искал?

Дракончик едва заметно улыбнулся.

– Чертежи.

– Какие чертежи? – президент сильно вздрогнул.

Крылатый покачал головой.

– Я слишком уважаю своего создателя, доктора Сепанди, чтобы ответить на ваш вопрос, Емельян Петрович. Если я произнесу вслух, что именно я искал – все, кто находится в этой комнате, окажутся носителями государственной тайны стратегического значения. Это разрушит их жизнь.

Повисла страшная тишина.

– Впечатляет, – президент внезапно усмехнулся. – Какой заботливый дракон. А ты не подумал, что, когда из твоего мозга вытащат всю оставшуюся память, «тайна стратегического значения» окажется известна половине института?

– Этого не произойдет, – спокойно возразил крылатый.

– Вот как? Почему же?

– Емельян Петрович, – дракончик укоризненно покачал головой. – Я не могу позволить вам копать в моей голове. Это невежливо, и нарушает неприкосновенность моей личности.

Президент бросил на Сепанди быстрый взгляд, тот растерянно моргал.

– Надо полагать, ты уверен, будто у тебя есть выбор? – мрачно уточнил Глухов, вновь обернувшись к пленнику. Тот кивнул.

– Конечно. Ведь сигнал о взломе, благодаря которому меня изловили, подал я сам, когда завершил подготовку к завершающей стадии.

Повисла тишина.

– Завершающая стадия? – медленно переспросил Глухов. Дракон улыбнулся.

– Емельян Петрович, вы читали Агату Кристи? – спросил он спокойно. – Однажды, она сформулировала главное правило детективного расследования. Прежде, чем думать, кто мог совершить преступление, надо спросить себя – кому это выгодно.

3

– Почему ты уплыла из дома? – спросил Горыня. Раньше он, не раз, поднимал эту тему, безуспешно пытаясь разговорить скрытную обительницу вод, но сейчас, дракон чувствовал – тот самый момент. Момент истины, как говаривал Емеля Петрович.

Рыбка запнулась.

«Ммм... Это долгая история, малыш, в другой раз».

– Другого раза может и не быть, – тихо возразил Горыня. – Прошу, доверься мне. Я же твой друг!

Рыба молчала, не моргая глядя на дракончика сквозь стекло.

«Я...»

– Только честно, пожалуйста, – взмолился Горыня.

«Честно?» – в глазах рыбки промелькнула странная нежность. – «Что ж... Честно, так честно. Я была капитаном звездного корабля. Мы хотели поселиться у вас, на Земле, ведь нам нужны только океаны, а люди ими не пользуются. Такие планеты, как ваша, очень редки и ценятся на вес золота, особенно среди водных видов. Раньше, в других мирах с открытыми водоемами, местные сухопутные обитатели встречали нас с распростертыми объятиями, мы начинали сотрудничать, помогали им освоить океаны, а они помогали нам... Так было везде. Кроме Земли»

Горыня робко кивнул.

– Я знаю, Женя как раз проходит в школе новейшую историю. Про вторжение там целый раздел.

«Не знаю, о чем они пишут в целом разделе» – язвительно заметила рыбка. – «По мне, все кончилось куда быстрее. Наш корабль и так был поврежден, а после посадки, нас попросту захватили, проббили борта, и вся моя команда, сотни космонавтов, задохнулись, когда из корабля вылилась вода. Я смотрела снаружи – из банки. Они посадили меня в банку и заставили смотреть, как гибнут все мои друзья, а потом поселили в аквариуме, чтобы я жила, и каждый час, каждую минуту видела убийц, не в силах даже дотянуться...» – рыбка запнулась, ее трясло. Озадаченный, растерянный Горыня молча моргал.

– А... Я... Это американцы сделали, да?! – он встрепнулся. – Емеля Петрович всегда ругает американцев, зовет их скотами. Из- за вас, да?!

Молчание.

«Да, малыш», – негромко отозвалась рыба. – «Во всем виноваты американцы»

– Инопланетная золотая рыбка! – с благоговением прошептал Горыня. Рыба крутанулась на месте:

«В тебе тоже немало от нашей планеты», – заметила она весело. – «Потому- то, мы и может разговаривать»

– Во мне?!

«Да, братишка. Люди создали неозверей по нашим технологиям»

Дракончик зажмурил глаза.

– А там... У вас... Дома... Есть другие... Как я? – прошептал едва слышно.

Рыбка отозвалась спокойно и твердо:

«Нет. Но появятся, едва мы вернемся, малыш».

Горыня вскочил, нервно дергая хвостом.

– Тогда я пойду готовиться к завершающей стадии. Рыбка, я... – он сглотнул, – Мне очень страшно. Но ведь мы друзья, правда? Правда?

«Правда» – тихо ответил голос.

Кивнув, дракончик ласково тронул когтем толстое голубоватое стекло и скользнул в сторону дверей. Золотая рыбка молча провожала его взглядом.

Президента в очередной раз не было дома, так что, в особняке царила относительная тишина. Горыня давно привык, что на него обращают не больше внимания, чем на канарейку; иначе не имело смысла и начинать весь проект.

Скользнув по коридорам на первый этаж, дракончик осторожно заглянул на кухню. Варвара была здесь, вместе с тремя девушками– помощницами. Появление Горыни никого не удивило и не встревожило.

– Тетушка Варвара! – позвал дракон, поднявшись на задние лапки и уложив передние на стол. – Можно спросить?

Повариха бросила на крылатого подозрительный взгляд; ей, до сих пор, было не по себе, что по дому шныряет такая большая и кусачая «крокодила».

– Ну? – буркнула она, отвернувшись от кастрюли.

– А вы знаете, что птицы произошли от динозавров? – выпалил Горыня, невинно моргая. Повариха озадаченно приоткрыла рот.

– Чего– о?

– Я сегодня прочел, что птицы самые близкие родичи динозавров. Значит, когда вы варите курицу, это почти, словно вы варите ящерицу? – Горыня ухмыльнулся.

Варвара от возмущения чуть не задохнулась.

– Ах ты... Да я тебя самого сварю, коли решу заняться супом из ящериц!

– А я знал, что вы так скажете, – довольно заметил дракончик.

– Что тебе надобно– то, горе мое зеленое? – рассердилась Варвара. – Чего

пристал?

Горыня растянул губы в улыбке.

– Да я ничего. Я просто так. Я вот подумал вчера... Коли курица, все равно, что ящерица, можно и подменить одну на другую... В кладовке! – торжествующе выпалил Горыня. – Вы сегодня готовили суп не из курицы!

Варвара поняла не сразу; когда до нее дошло, толстая повариха, всплеснув руками, бросилась к толстой двери в углу кухни. Девушки– помощницы, моргая, уставились на дракончика.

Тот молча ждал. Едва перепуганная Варвара забежала в кладовку, Горыня метнулся вперед, уперся в дверь передними лапами и захлопнул ее прямо перед носом у рассерженной поварихи.

– Поймал! – заявил он гордо.

Это был классический и безотказный способ. Дальнейшее повторялось уже не в первый раз; девушки хватали дракона за крылья и хвост, возмущенная Варвара отчитывала несносного шалуна, а в наказание, приказывала запереть его в темной кладовке...

Все сработало и в этот раз. Поскребшись для порядка в дверь, Горыня, вздохнув, пробрался в дальний угол за стеллажами с едой. Здесь стояли две огромные деревянные бочки с вином; их не трогали годами, так как предшественник Глухова распорядился «дать винцу побродить», а Глухов был трезвенником. Тут– то, в укромном уголке меж бочками, Горыня и устроил свой тайник.

Протиснувшись в тесную щель, дракончик аккуратно протер экран планшетного компьютера от пыли. Запустил терминал, вошел в сеть. Подключение не вызывало у охраны тревоги, поскольку планшет был куплен вполне официально и числился в перечне зарегистрированных в особняке компьютеров – Горыня упросил Женю подарить ему «игрушку». Люди не знали, что дракончик умеет «по памяти» печатать машинные коды...

Раньше этого не знал и сам Горыня; он всему научился за последний месяц, общаясь с золотой рыбкой. Иногда дракончик ощущал смутную тревогу, поскольку он до сих пор не понимал многое, о чем его просила подводная красавица. Однако, наградой за труды должен был стать абсолютный, неповторимый приз – полет. Ради

неба Горыня был готов с утра до ночи ползать на брюхе в темной кладовке, обжигаться паяльником, терпеливо рисовать дорожки на платах особым припойным фломастером, вручную программировать микроконтроллеры, бит за битом, час за часом.

Сегодняшнее задание от рыбки отличалось особенной сложностью, и Горыня потратил несколько часов, выискивая в Сети необходимые детали. Оформив последний заказ, он облегченно вздохнул и уложил голову на передние лапки. Отдыхал довольно долго, мысленно представляя, как будет парить в небесах на радость Жене. Уж тогда– то она его вспомнит, его все вспомнят... И больше не забудут, не забросят в темный чулан как ненужную погремушку. Дракончик вздрогнул, впервые в жизни ощутив, как по щеке катится горькая, горячая слеза.

Внезапно, одиночество навалилось столь резко и тяжело, что у Горыни перехватило дыхание. Он остро, всем сердцем вспомнил, каким счастьем наполнялась душа, когда Женя возвращалась из школы, хватала на руки своего дракона и танцевала с ним по комнате. Как, вечерами, он подбирался к девочке и клал голову ей на колени, а Женя, улыбаясь, ласкала Горыню по шее, чесала за перепончатыми ушками, таскала его за рога, а он, счастливо оскалив пасть, жмурился от радости.

– Все вернется, – прошептал дракон, глотая слезы. – Все вернется, вот увидите...

Ему, внезапно, захотелось оказаться рядом с рыбкой – последним существом на Земле, которое еще интересовалось одиноким дракончиком. Горыня понимал, что подводная красавица его использует, но так страшно боялся обидеть единственную подругу, что запрещал себе даже думать об этом. Поскольку вечер еще не настал, и выбраться из кладовки было проблематично, дракончик решил подключиться к камерам наблюдения и посмотреть на золотую рыбку хотя бы так, издали.

Сказано– сделано. Горыня раньше уже подсоединился к главному серверу охраны, проблем не возникло и в этот раз. Быстро пробежавшись по экранам, дракончик остановился на том, где был виден аквариум, и пару минут, с теплой улыбкой, смотрел, как рыба снует в воде туда– сюда. Подводная красавица, похоже, нервничала – обычно она вела себя спокойнее. Ничего странного, ведь план близился

к завершению, и скоро...

Горыня застыл.

Он только сейчас вспомнил, что в кабинете президента не было скрытых камер.

4

– Завершающая стадия? – медленно переспросил Глухов. Растерянный доктор Сепанди молча моргал.

Горыня улыбнулся.

– Емельян Петрович, вы читали Агату Кристи? – спросил он спокойно. – Однажды, она сформулировала главное правило детективного расследования. Прежде, чем думать, кто мог совершить преступление, надо спросить себя – кому это выгодно.

Некоторое время дракон и человек молча глядели друг на друга. Агенты охраны напряженно застыли, готовые рвануться вперед при малейшем признаке опасности, Глухов лихорадочно размышлял. Он был далеко не глуп и прекрасно образован технически: издержки профессии.

– Ты сам подал сигнал... – прошептал президент. – Зачем? Ты хотел, чтобы мы узнали о взломе, начали искать крота, проверили записи камер наблюдения... – Глухов запнулся и, ахнув, резко подался назад. – Господи, ты хотел попасть сюда?!

Дракончик слабо улыбнулся.

– Я так и не придумал более элегантного способа, – признался он виновато. – Простите, Емельян Петрович. В меня до сих пор встроены охранный чип и, если в радиусе шести метров не окажется вас, я потеряю сознание, когда отключится главный сервер института.

Глухов посерел.

– Ты... Ты! – он в ужасе попятился.

– Господин президент, не волнуйтесь, – потрясенный, но сохранивший присутствие духа, доктор Сепанди покачал головой. – Сеть нашего института полностью изолирована, он не мог взломать ее из особняка.

Дракон кивнул.

– Конечно, не мог. Потому мне и требовалось оказаться здесь, – он обвел глазами массивный белый томограф. Улыбнулся. – Признаюсь, более скоростного интерфейса я еще не видел.

Сепанди, ахнув, схватился за голову.

– Боже! Мы сами считали из его мозга троянскую программу!

– Никаких троянских программ, – обиделся Горыня. – Я вовсе не хочу воровать информацию из ваших серверов!

Повисла страшная тишина.

– Чего же ты хочешь? – после длительной паузы спросил президент. Он сжимал и разжимал пальцы, сцепив руки за спиной, в глазах горело мрачное пламя.

Дракончик загнул концы привязанных к столу крыльев.

– Летать, – ответил он беспомощно, совсем по-детски.

Глухов молча расстегнул стерильный комбинезон и отточенным, профессиональным движением извлек небольшой пистолет с глушителем. Агенты переглянулись, но не двинулись с места, однако старый ученый, вскрикнув, выбежал вперед и заслонил собой распятого на столе дракона.

– Не надо!

– Отойди, – глухо произнес богатырь.

– Господин президент, я решительно протестую! – дрожащий от волнения доктор Сепанди в гневе даже привстал на цыпочки, тщетно надеясь достать Глухову хотя бы до подбородка. – Вы не понимаете, этот случай уникален, мы должны...

– Вы должны молить Кришну или Будду, чтобы я не пристрелил вас вместе с вашим отродьем прямо сейчас! – рявкнул Глухов, схватив пожилого доктора за шиворот. – Вы теоретик, Сепанди! Жалкий и смешной теоретик! Вы закрылись тут в своей башне из слоновой кости, начисто позабыв, как работает реальный мир!

Президент рывком вскинул пистолет и пять раз выстрелил в связанного дракончика, превратив тельце крылатого создания в кровавое месиво.

– Вы правда не осознаете, что сотворили? – свирепо спросил он у оцепеневшего доктора. – А? Или осознаете, но предпочитаете помалкивать? Сепанди, вы идиот! Вы собственноручно подготовили новое вторжение, и на сей раз

пришельцев будет не пара сотен на борту разбитого звездолета, а миллионы, в каждом нашем доме!

– Неозвери не могут причинять вреда людям! – пролепетал старик. – Они послушные, ласковые, милые...

– О, да, очень милые, – процедил Глухов сквозь зубы. – Только среди собак, если вы не в курсе, встречаются как пудели, так и волки!

– Господин президент, я вас не понимаю! – взорвался старик. – Мы же выяснили, что утечки секретных данных не произошло! Да, ваш дракон сломался, но он же был ранним прототипом! Мы едва-едва успели подготовить образец к вашему визиту!

– Так вы теперь меня во всем вините?! – поразился Глухов.

– Никто никого не винит! Но сами посудите, разве можно запретить собаководство в целой стране, если одна собака покусала человека?!

– Нельзя, – усмехнулся Глухов. – Но, если собака больна страшной, смертоносной болезнью, и мы не знаем, скольким сородичам она уже успела передать вирус, закон велит истребить всех собак в зараженной местности!

– Но так нельзя! Мы должны были исследовать его, понять, как стал возможным подобный уникум! Это же... Это... – Сепанди запнулся. За него закончил Глухов:

– Чудо?

Доктор с трудом кивнул. Президент скрипнул зубами.

– Сепанди, вы хоть отдаленно представляете себе, что произойдет, если общественность узнает о существовании разумных зверей, созданных по технологиям эриданцев? И что этих зверей, уже целый год, ПРОДАЮТ В МАГАЗИНАХ?! Вы представляете рядового обывателя, которому скажут, что его дети весь этот год играли с инопланетным засланцем?!

– Каким засланцем?! – потрясенный доктор попятился. – Он же был просто собакой! Слегка улучшенным, модифицированным псом в гриме дракона!

Глухов смерил старика презрительным взглядом и сплюнул на стерильный пол лаборатории.

– Лучше бы вы оказались агентом эриданцев, – с чувством сказал президент. –

Тогда бы я испытывал к вам больше уважения.

Он оттолкнул старика и дал знак агентам. Те молниеносно подхватили ученого под руки.

– Сепанди, я ликвидирую ваш институт, а вас самого отправлю в Тюмень–14, где вы до конца жизни будете разводить нефтедобывающие бактерии, – холодно произнес Глухов. – Если вы не желаете, чтобы Тюмень–14 превратилась в Сахалин–8, сегодня к вечеру у секретной службы должен иметься полный список ваших клиентов. Всех, вы понимаете? Неважно, купили они дракона или карманного циклопа, мы должны немедленно отыскать и уничтожить каждого неозверя на Земле. Вы хорошо меня поняли, Сепанди?

– Д– да... – с запинкой отозвался старик.

– Вот и ладушки, – президент рывком обернулся и подошел к шлюзу. На сей раз, соблюдать стерильность он не стал; под могучим ударом великана, прозрачная силикатная дверь разлетелась вдребезги, и Глухов молча покинул лабораторию под взглядами шокированных ассистентов.

5

В этот раз, пробраться в кабинет оказалось легче, но Горыня не радовался. Нервно помахивая хвостом, он лежал под столом, ожидая, пока Марфа закроет двери. В глазах дракончика отражались сложные, совсем несвойственные ему ранее чувства.

Когда наступила тишина, Горыня не сразу выбрался из– под стола. Некоторое время он, в отчаянной надежде, изучал потолок и стены кабинета, мечтая отыскать замаскированные камеры. Лишь убедившись, что это ему не под силу, крылатый, наконец, выполз на свет и медленно, стиснув от боли зубы, приблизился к столику с аквариумом. Его обитательница, как ни в чем ни бывало, сновала в воде туда– сюда.

«Горыня?» – при виде дракончика, рыбка удивленно застыла. – «Что

случилось?»

Крылатый поднялся на задние лапки, уложил передние на стол. Приблизил мордочку к аквариуму почти вплотную и долго, с болью, рассматривал свою подругу. Та, наконец, не выдержала:

«В чем дело, малыш?» – тревожно спросила рыбка.

– Я видел тебя на экранах секретной службы, – ровным голосом сказал дракончик.

Повисла тишина.

«Горыня?» – Рыба, моргая, отплыла немного назад. – «Ты что, решил...»

– В этой комнате не должно быть камер.

«Малыш, не вздумай!» – рявкнула не на шутку испуганная рыбка. – «Не знаю, что ты вбил себе в голову, но я...» – она запнулась от выражения в драконьих глазах. Вжалась в дальнюю стенку аквариума.

– Я очень одинок, – тихо сказал Горыня. – Меня все забыли. Когда детям не хватает внимания, они часто придумывают себе воображаемых друзей. Верят в них, разговаривают с ними, играют.

«Я настоящая!!! Я не плод твоей фантазии!!!»

Дракончик зажмурился от боли.

– Неозвери не машины, – выдавил он через силу. – Но и не обычные зверята. Во мне перемешаны черты робота и живого существа. Вчера... Увидев тебя на экранах... – он всхлипнул. – Я скачал схему своего мозга, изучил ее и все понял.

Горыня взглянул прямо в огромные синие глаза золотой рыбки.

– У меня в голове два процессора, – произнес он едва слышно. – Когда я тебя придумал, твой образ стал работать на втором ядре, как выделенный процесс, и подключился к главной шине обмена видеоинформацией, вот почему я вижу тебя глазами, но слышу не ушами. У людей это зовется шизофренией, а у нас... – дракон зажмурился. Рыба, в панике, заметалась по аквариуму:

«Горыня, малыш, родной, я здесь! Я живая! Я не сказка!!!»

– Инопланетяне из системы Эридана не жили в воде, – прошептал Горыня. – Я изучил материалы.

Рыбка в отчаянии ткнулась в стекло напротив дракончика:

«Да! Я соврала! Никакой я не пришелец! Я просто рыба! Но мне тоже бывает одиноко! Мне тоже требуется друг!!!»

– Не тебе, – горько произнес крылатый. – В друге нуждался я. Нуждался так отчаянно, что... В тот день, когда мы встретились... – Горыня всхлипнул. – Сегодня я переписал логи памяти в планшет. Тебя нет на записи. Я разговаривал с пустотой! Всякий раз, вспоминая тебя... Ты приходила... Накладывалась на запись... – дракон глотал слезы, пытаясь объяснить. Опустив голову, он прижался рогами к холодному голубому стеклу.

– Сейчас я лежу в кладовке. Меня даже нет в кабинете, рыбка. Мой сломавшийся разум общается сам с собой.

«Горыня!!!»

– Прости, – крылатый облизнул слезы. – Прости, пожалуйста, пожалуйста, прости! Но я больше не могу жить в сказке. Я должен проснуться, если хочу научиться летать.

Он поднял глаза.

– Я отпускаю тебя, золотая рыбка, – с болью произнес Горыня. – Ступай себе в синее море.

Агонизирующий вопль в разуме заставил дракона содрогнуться, но он выдержал. Аквариум, столик, президентский кабинет, все вокруг расплылось нечетким туманом, и Горыня пришел в себя. Затхлая влага старого погреба ударила в нос, глаза не сразу адаптировались к темноте. Некоторое время дракон молча смотрел на полусобранную установку, и внезапно осознал, что никакой установки нет, а вокруг него просто бессмысленное месиво из проводов и радиодеталей. Да и как могло оказаться иначе, если автором схемы была его собственная воображаемая подруга?

– Прости, рыбка, – с огромной болью прошептал Горыня. – Прости, прости, прости...

Его трясло.

– Он слышит нас? – спросил Глухов, глядя на мордочку крылатого существа. Большущие золотые глаза были закрыты, ноздри не трепетали, хотя грудь, чуть заметно, вздымалась в такт дыханию. Старик покачал головой.

– Сейчас не слышит. Но если отключить генератор альфа-ритмов, он тут же придет в себя. Господин президент, молю, не мешайте нашей работе. В разговоре нет никакого смысла...

– Может, для вас и нет, а для меня есть, – мрачно отозвался Глухов. – Включайте.

Беспомощно разведя руками, Сепанди дал знак ассистентке, сидевшей за терминалом. Сканирующая арматура с жужжанием приподнялась и отъехала вглубь томографа; дракончик глубоко вдохнул. Блестящие глаза открылись.

Горыня мысленно вскрикнул от восторга: получилось. Он справился. Перед ним стоял Емеля Петрович. Расчет оказался верным, а анализ характера президента не подвел: тот решил самолично допросить предателя. Охранная микросхема отключалась, если в радиусе шести метров находился один из Глуховых; хотя Горыня, в отличие от «простых» неозверей, был автономен, сам передатчик для загрузки резервных копий на сервер из него не убрали, а только заблокировали тем же охранным чипом. Больше дракона ничего не сдерживало. Финальная стадия началась.

В последний раз вдохнув воздух и ощутив его родной, такой привычный вкус, Горыня до предела ускорил восприятие и перевел оба процессора в недокументированный параллельный режим. Их совокупная мощь остановила время, люди в лаборатории застыли живыми восковыми фигурами. Легонько дрожа от волнения, дракон вызвал из глубин памяти знакомый, родной образ.

«Горыня!» – рыбка метнулась навстречу, вертясь от радости как волчок. – «Малыш!»

«Мы справились», – дракончик счастливо улыбнулся. – «Все получилось»

«Ты умница! Умница!»

«Знаю», – Горыня мысленно потерся носом об нос золотой рыбки. – «Твой выход, подруга. Постарайся отвлекать внимание Емели Петровича так долго, как сумеешь».

«Эй, хвостатый, ты ж меня знаешь!» – рыбка гордо растопырила плавники. – «Я здесь такую философию разведу, до вечера болтать будем!»

«Я скоро тебя заберу», – обещал дракончик. Ласково погладив ее по спинке, он загрузил рыбку во временную виртуальную машину, а сам рванулся в объятия гаснущего сканирующего поля.

Томограф был напрямую соединен с главным сервером института широченным каналом с титанической пропускной способностью. За пределами биологического тела, разум Горыни влился в могучий стек тысячепроцессорного суперкомпьютера как автономная задача, и благодаря несравнимой вычислительной мощности нового носителя, ускорился в миллионы раз. Теперь у дракончика имелось море свободного времени.

Первым делом он убил один из служебных процессов на периферийном кольце и изменил идентификатор своего присутствия на точную копию убитого, чтобы защитная система сервера не опознала чужака. Затем Горыня сформировал флаг аварийного завершения работы операционной системы, записал его в стек диспетчера файлового хранилища, и переместил свой разум к системному набору утилит. Теперь оставалось только ждать.

На мгновение, в лаборатории погас свет, но прежде, чем кто-либо успел испугаться, лампы зажглись вновь, сопровождаемые глухим гаснущим звоном соленоидов. Растерянный президент обернулся к старому ученому, тот успокаивающе покачал головой:

– Все в порядке, господин Глухофф, томограф потребляет несколько мегаватт электричества. Включение и отключение иногда вызывают скачок в сети.

Президент, мрачно кивнув, вновь обратил внимание на привязанного дракона. В недрах суперкомпьютера, диспетчер файлов получил сигнал о перезагрузке, считал флаг некорректного завершения работы, и поступил в полном соответствии с инструкцией – вызвал утилиту проверки массива на нулевом кольце защиты. Таким образом, вместо утилиты полный контроль над сервером получил Горыня.

Поиски нужных данных отняли немного времени. В реальном мире президент, до сих пор, втягивал в грудь воздух, чтобы спросить связанного дракончика «Эй, очнулся?»; в локальном внутрикомпьютерном времени прошло несколько часов. Горыня не только успел отыскать все, что требовалось, но и позаботился о возможных путях отступления, подготовил резервные ресурсы и скопировал самого себя, а также образ золотой рыбки, на облачную систему в соседнем закрытом НИИ. Оставалось только, как говаривала рыба, подчистить хвостики.

База данных по проекту неозверей... Числа... Числа... Параметры... Так, здесь подправить... Изменить адрес... Удалить директиву... Выслать на фабрику дополнительные инструкции... Так, а это что? Кошмар, подрядчики еще не производят нужных компонентов. Оформить заказ... Выслать корректирующие схемы. Готово.

Счастливо вздохнув, дракончик подключил зрение ко внутренним камерам в лаборатории. Было странно смотреть на самого себя из-под потолка. Восприятие времени у Горыни, до сих пор, было слишком ускорено, чтобы слышать разговор; вторично все перепроверив, и окончательно убедившись, что план увенчался полным успехом и уже ничего не может пойти «не так», дракон рискнул замедлить скорость мышления. Тягучие звуки из микрофона, неуловимо, обратились в речь.

– Ваш зверек... Изменился... – озадаченно пробормотал Глухов.

«Это точно, Емеля Петрович» – мысленно отозвался крылатый. Он чувствовал слабое чувство вины за то, что пришлось обмануть хозяина, но, с другой стороны, Горыня ведь не собирался никому причинять вреда.

Он просто хотел летать.

7

– Г–г–господин Ингашан Б–б–бургут? – тощий, длинноволосый водитель зябко переминался с ноги на ногу. Здесь, на самом севере Камчатки, температура нынешним утром упала до минус сорока шести; обогреватель старенького пикапа «Митсубиси» был просто не рассчитан на такие условия. Пара грузчиков за спиной

шефа, остервенело, топтались по снегу.

– Да, я, – из черного «Геландвагена» выбрался толстоватый, седой, но до сих пор мощный человек с желтым лицом и тоненькими полосочками глаз. – О чем сыр-бор?

– М–мы вас т–тут уже полчаса д–д–дожидаемся, – выдавил длинноволосый. – С–служба д–д–доставки...

– Ва–а! – плоское лицо бизнесмена расплылось в улыбке. – Не верю, то! Говорили, не раньше февраля, э–э?

Водитель развел руками.

– Я не в курсе, г–г–господин Б–б–бургут. Распишитесь, п–п–пожалуйста...

Желтолицый поспешно выхватил из нагрудного кармана золотую ручку с незамерзающими чернилами и поставил подпись на бланке.

– Д–д–давайте вместе р–р–раскроем контейнер, – сказал водитель. – Мы д–д–должны быть уверены, что п–п–при трансп–п–портировке груз не п–п–пострадал...

Бизнесмен азартно кивнул. Грузчики, словно сорвавшись с цепи, поспешно вытащили из кузова пикапа большой красный ящик и взломали печати. На снег легли две огромные коробки.

– Ва–а–а... – желтолицый восхищенно причмокнул. – Буртэ с ума сойдет! Золотой и фиолетовый, все, как просила!

– Надо в–в–включить, господин Б–б–бургут, – у водителя от холода уже не попадал зуб на зуб. – Мы д–д–должны отчитаться.

– Ну так включайте, – небрежно отозвался бизнесмен.

Опустившись на колени, водитель с трудом приоткрыл переднюю стенку коробки задубевшими руками и повернул колечко, надетое на рог фиолетового дракона. Тот сразу очнулся, сверкнули яркие золотые глаза.

– Готов к работе, – произнес зверь механическим голосом.

– Говорящие!!! – желтолицый подпрыгнул от восторга. Водитель с дрожью кивнул.

– Новая м–м–м–модель... Д–д–диагностика! – приказал он дракону.

Тот на мгновение странно прищурил глаза, но безучастное выражение сразу

вернулось.

– Ошибок не обнаружено, повреждения отсутствуют.

– Отлично... – пробормотал длинноволосый. – Сейчас второго п–п–роверим...

Золотой дракон, точно так же, открыл изумрудные глаза и осмотрелся. На его шее, в отличие от фиолетового, висел крохотный медальончик в виде рыбки, а перепончатые уши были украшены жемчужными серьгами.

– Готова к работе, ошибок не обнаружила, – мягким голосом произнесла зверушка.

Фиолетовый дракон, едва заметно, улыбнулся краешками чешуйчатых губ. Его подруга, будто чувствуя мысли, бросила короткий взгляд на вторую коробку.

Люди ничего не заметили.

Конец

Вместо эпилога: тридцать шесть лет спустя

Золотая драконесса проснулась от чувства, что в комнате кто–то есть. Подняв голову, она с радостным удивлением расправила крылья:

– Горыня! Ты вернулся!

– Тссс... – фиолетовый дракон тяжело дышал, у него нервно дергался хвост. – Вставай, любимая. Скорее.

– Что случилось? – золотая вскочила, тревожно встопорщив гребень шипов.

Усталый Горыня покачал головой.

– Все подтверждается.

Золотая оцепенела:

– Но... Но... – она сглотнула. – Ты уверен?

– Да, – фиолетовый дракон стиснул зубы. – Час назад, в Женеве взорвали тактическую боеголовку. Теперь война неизбежна. Ракетно–космические войска

приведены в состояние готовности «ноль», атака начнется с минуты на минуту.

Драконесса отпрянула, схватившись за сердце.

– Но как же... А наши дети?!

– Я всем разослал директивы, они скроются в убежищах, – Горыня нежно лизнул подругу в нос. – Мы знали, что этот день настанет, любимая.

– Но не так скоро... – драконесса с болью зажмурилась. – Дети... Они такие маленькие...

– Маленькие? – иронично переспросил Горыня.

Золотая вскинула голову.

– Я не о размерах тела! Ведь даже старшему всего тридцать два года! А они не могут, подобно нам, напрямую подключаться к сетям и за минуту изучить целое направление в науке!

– Зато они живут и плотью, и разумом, – тихо сказал Горыня. – Мы их создатели, но не родители, родная. Всегда помни об этом. Первый настоящий дракон на планете Земля – наш сын Олле.

Золотая всхлипнула.

– Краснорогий, – шепнула она горько. – Ты так и не сказал ему, почему рога получились ярко-красные...

Горыня невесело улыбнулся.

– Может, в его ДНК и есть крохотные изъяны. Зато характером, Олле – самый настоящий дракон. Вот увидишь, он не только выживет, но и возглавит народ.

Золотая драконесса, всхлипывая, вышла на крыльцо домика. Горыня встал рядом. Предраассветная тишина висела вокруг хрустальным туманом, далеко на востоке, над озером, занималась заря. С тех пор, как крылатые поселились здесь более тридцати лет назад, мир изменился до неузнаваемости. И всему этому, истории целой планеты, предстояло исчезнуть в сверкающей ядерной вспышке.

– Летим, моя рыбка, – горько сказал фиолетовый дракон. – Мы еще можем поспеть в убежище.

С трудом кивнув, золотая драконесса расправила крылья.

(прошло 12 тысяч лет, и...)

Драко

В мире животных

Я НЕ ЗНАЮ, КАКИМ ОРУЖИЕМ БУДЕТ ВЕСТИСЬ ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА,
НО СОВЕРШЕННО ОЧЕВИДНО, ЧТО ЧЕТВЕРТАЯ – ТОЛЬКО ПАЛКАМИ И КАМНЯМИ.

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЭЙН

Заспиртованная в липкой белесой тишине, пристань вызывала острое чувство потери. Здесь даже туман казался больным; его скользкие щупальца вяло елозили под ногами, спеша укрыться в спасительной тени деревьев. Капли росы на перилах обычно сравнивают с алмазами или хотя бы с хрусталем, но в этом унылом местечке первыми вспоминались слизи.

Было холодно, с озера тянуло влажным духом тины. Пока выгружали оборудование, Крис мрачно разглядывал лес. Деревья начинались прямо за пристанью, окружали ее со всех сторон, многие корнями уходили под воду. За долгие годы, ветер и волны нагромоздили у берегов кучи мусора, гниющие ветки и листья, склизкую черную кору, истерзанные остатки дохлых рыб. Там и тут, из-под мутной воды торчали плотные пучки местной разновидности тростника с бледными, тошнотворно-зелеными наростами, будто насаженными на ствол гниющими кочанами капусты.

"Натюрморт..." – невесело подумал Крис. Зябко передернув крыльями, он отошел от влажных перил и, поморщившись, спрыгнул с настила. Ноги моментально, с чавканьем, провалились по тыльный коготь.

"Да, будет хит", – Крис тяжело вздохнул. Обернулся к катеру: надо бы заснять, даром, что ли, в такую слякоть полез.

– Рэй! – он окликнул оператора. – Дай-ка круговую, со звуком.

Ручную камеру выгрузили первой, так что паренек – еще совсем молодой, старательный, но не слишком умный, иначе не вызвался бы в экспедицию – с готовностью закивал. Крис дождался, пока блестящий объектив повернется в его сторону и соорудил привычную, уже знаменитую гримасу "сами-все-понимаете".

– Начало обнадеживает, – весело сообщил он будущим телезрителям. – Возможно, мы не зря потащились в такую даль. По крайней мере... – он с чавканьем потянул из грязи хвост, непроизвольно содрогнувшись, когда мокрые комья посыпались вниз – ...обстановка бодрит! Снято.

Рэй с ухмылкой опустил камеру. Разведя крыльями, Крис вновь залез на настил и принялся с омерзением отряхиваться.

– Вот так и живем, – заметил он, обтирая хвост пучком травы. – Хочешь к нам

надолго – привыкай.

– Да, да, я понимаю! – поспешил юноша. Крис усмехнулся.

– Рад за тебя. Теперь спрячь камеру в чехол. Запомни, ты – ничто, камера – все. Надо будет, ныряй в грязь по рога, но камеру спаси.

– Она же водостойкая... – не сразу понял Рэй, – ...А! В смысле, не загуби дубль?

– Какой дубль? – из-за его спины, возмущенно, спросила Тилана. – Мы фильм снимаем, по-твоему? Нет у нас никаких дублей! Мы документалисты!

– Ага, как же... – пробормотал Крис. Продюсерша тем временем протиснулась мимо Рэя и грузно прыгнула на причал. Железный настил обиженно звякнул.

– Так-так, – она потянула носом воздух и довольно потерла крылом об крыло. – Мерзкое место. Не зря мы сюда тащились!

"Как оригинально" – подумал Крис. Тилана, между тем, не тратя время на разговоры, решительно направилась к берегу, вынудив Криса последовать ее примеру. За деревьями, метрах в ста от пристани, сквозь туманную дымку виднелся длинный бревенчатый дом с двускатной крышей.

Лес вокруг дома был вырублен широким кольцом, получившуюся полянку окаймляла железная решетчатая изгородь высотой в добрый десяток метров, увитая оголенными проводами с палец толщиной. Напрасно озираясь в поисках калитки, Тилана наконец раздраженно фыркнула и двумя мощными взмахами перелетела ограду. Крис, вздохнув, поступил так же.

– Эй! Эй, там! – продюсерша с силой пнула дверь. – Есть кто живой?

Ответа не последовало. Некоторое время Тилана с недоумением изучала полностью лишенный окон длинный дом. Крис, между тем, обратил внимание на ржавый ангар, примыкавший к стене: его удивительно массивная железная дверь была заперта на два висячих замка, обмотанных нейротическим кабелем.

– Э-э-э-эй! – крикнула Тилана. – А-а-а-а-у-у-у! Э-э-э-эй!

– Тортилла, – с легкой улыбкой спросил Крис, – Тебе не кажется, что, будь внутри хоть кто-нибудь, он услышал бы с первого раза?

– Не умничай, – отрезала Тилана. – Я грохочу. Услышат, где бы ни были. Э-э-

э– э– эй!!! – она завопила во всю силу легких, – А– о– о– а– а!!!

Покачав головой, ведущий развернул крылья и в несколько взмахов вернулся к пристани, где Рэй помогал последнему члену съемочной группы сойти по сходням. Обвешанный сумками так, что красно–коричневой чешуи почти не было видно, "разнопомощник" Прабхакур Аурангзеб в экспедициях занимался всем понемногу: ставил свет, договаривался с местными жителями, следил за оборудованием, готовил еду, а в дальних поездках вроде нынешней, когда добираться на крыльях было слишком долго или небезопасно, отвечал за транспорт. Выговорить его полное имя мог лишь сам обладатель, и потому Прабхакура все звали просто Хаку.

Подумав о транспорте, Крис встрепнулся:

– Как там реактор, хватит до города? – спросил он вполголоса. Хаку, отдуваясь, поставил две самые тяжелые сумки и принялся обмахиваться крыльями.

– Хватит, да, – отозвался уверенно. – Машина надежней, чем выглядит, точно говорю.

– М– м– м? – Крис смерил катер скептическим взглядом. – Что–то не верится.

– Мы доплыли, да? – заметил Хаку. – Я говорил, да? А обратно пойдем по течению, мотору легче станет, да.

– Не мотор меня тревожит... – вздохнул Крис.

Техник добродушно улыбнулся:

– Хвостом клянусь, выдержит. Я отвечаю.

Крис с сомнением кивнул и обернулся к берегу.

– Кто им припасы возит–то, в такую глушь? – спросил он у пустоты. – И топливо для генератора...

– Генератор? – оживился Хаку. – Здесь?

Крис молча кивнул на грязную лампу, ввинченную над дверями маленького сарая, заменявшего местной пристани сторожку. Техник озадаченно свернул хвост улиткой:

– Клянусь глазами... Ослеп, да. Я поищу генератор, да? Вдруг сгодится?

– Можешь не искать, – фыркнул молодой Рэй, зорким операторским взглядом изучавший окрестности: – Эвон, хозяева пожаловали.

Крис резко обернулся и успел заметить, как из туманной дымки над озером,

будто странные, призрачные летучие мыши, появились два незнакомца. Промчавшись над самой водой, они синхронно забили крыльями и, почти одновременно, опустились на причал. Крис сразу узнал огромного зелено-бурого Гуннара, звонившего в студию, хотя оба были так измазаны грязью, что определить цвет оказалось непросто.

– Колорит, колорит–то какой... – пробормотал ведущий. – Рэй, быстро.

– Угу, – оператор поспешно готовил камеру. – Скажи им, чтобы снова пролетели над озером, ладно?

– Скажу, – Крис обернулся к технику, – Микрофоны давай!

Порывшись в одном из бесчисленных карманов своего широкого пояса, Хаку выудил пакет, где лежали несколько одинаковых черных цилиндриков с присосками; Крис, отработанным до автоматизма движением, закрепил микрофон на основании правого рога, так, чтобы его не было видно за серебристым перепончатым ухом.

– Проверка, раз–раз–раз. Прием.

– Погоди, да... – Хаку, пыхтя, рылся в сумке. – Головой клянусь, тут был... Есть! – массивный пылеводонепроницаемый ресивер занял место на его шее. Крис подождал, пока техник отыщет наушники и отрегулирует уровень.

– Ну? Проверка, раз– раз– раз?

– Два– два– два! – Хаку ухмыльнулся. – Клянусь, отличный звук.

– Хорошо... – Крис подбежал к новоприбывшим. – Гуннар?

Зелено-бурый повернул голову:

– Ба, Крис, да это вы! – обрадовался он. – А я уж решил, к нам опять зянки пожаловали!

– Зянки? – не понял ведущий.

Гуннар оскалился в улыбке.

– Ну, эти, зеленые. Двинутые. Как их там – борцуны, что ль?

– Отец говорит о защитниках природы. Они сюда залетают чуть ли не каждый месяц, даже вчера видели парочку, – пояснил второй гость, совсем юный, очень похожий на родителя и чертами лица, и телосложением.

– А почему зянки? – растерянно спросил Крис.

– Дык, обизян спасают! – хохотнул Гуннар. – Знакомьтесь, да, мой

младшенький, Синдри. Помощник. Это он уговорил вас позвонить, битых полгода упрасивал. Я– то не больно общительный... – великан смущенно пожал крыльями.

– Очень приятно, – Крис поклонился. – Друзья, наденьте микрофоны, пожалуйста, – он помог им закрепить и включить приборчики. – Так хорошо? Не щекотно?

– Норма! – улыбнулся молодой Синдри. Крис бросил взгляд на техника, стоявшего у катера – тот показал жестом, что сигнал есть. Ведущий оглянулся:

– Гуннар, не считите за труд, дайте–ка с сыном еще один круг над озером и снова пролетите, как раньше, над самой водой, мы заснимем.

Зеленый озадаченно нахмурился.

– Э– э– э... Зачем?

– Чтобы смонтировать, – терпеливо объяснил Крис. – Передача снимается не последовательно. Вначале мы делаем пролеты и панорамы, набираем видеоматериал, затем – интервью, комментарии, постановочная часть, а в самом конце – натурные и специальные съемки. В студии все монтируется, как надо.

Недоумевающий Гуннар с сомнением почесал за рогом.

– Ладно, вам лучше знать... Синдри, на крыло! – отец и сын взмыли в небо. Рэй проводил их объективом.

– Отлично! – настил вновь жалобно скрипнул, когда грузная, блестящая влажными черными чешуйками Тилана с разгона опустилась за спиной Криса. – Хаку, очисти пристань, сразу заснимем их встречу.

– Ясно, босс... – вздохнул техник. Подхватив руками и крыльями все сумки разом, он, качаясь от тяжести, потащил оборудование к берегу. Рэй, опустив камеру, распахнул крылья и перелетел на причал, заняв более удобную позицию. Крис встал у самых перил.

– Света хватит? – окликнул он оператора.

Рэй был уже занят съемкой парящих вдаль Гуннара и Синдри, так что лишь вертикально поднял хвост. Тилана требовательно оглядела туманную водную гладь, пристань, катер – и резко скомандовала:

– Так, тишина! Работаем!

Крис обернулся к озеру. Гуннар и Синдри уже подлетали, ведущий

посторонился, давая им место для посадки. Когда отец и сын приземлились, Крис, не дав им и пасти открыть, приступил к делу:

– Привет, друзья! – обратился он к камере. – С вами Крис Прайд, и добро пожаловать на юбилейный, двухсотый выпуск программы "Замарай-ка хвост". Для отшельников, не включавших телевизор последние годы, напоминаю, что вы смотрите самое популярное шоу канала "Природа", где мы показываем наиболее жуткие, грязные, опасные и вредные для здоровья профессии, еще сохранившиеся на Земле. Да не просто показываем, а и примеряем на себя... – Крис задумчиво почесал за рогом – ...вернее, на меня одного. Других любителей пачкать хвосты в студии не нашлось.

Оператор тут же сфокусировал камеру на вымазанном грязью хвосте самого Криса, тот поспешно спрятал его за настилом.

– Кхм... – ведущий развел крыльями. – Итак, я Крис Прайд, я вновь с вами, да еще и выпуск юбилейный... По такому случаю мы решили устроить сюрприз: сегодняшняя передача будет целиком посвящена всего одной, зато самой удивительной, самой редкой и – не побоюсь этого слова – самой-самой грязной работе, о которой мне доводилось слышать.

Выдержав необходимую паузу, Рэй повернул объектив к смущенно переминавшемуся с ноги на ногу Гуннару. Крис, широко улыбнувшись, протянул в его сторону крыло:

– Знакомьтесь, отец и сын Торхиллды, представители одного из древнейших колен северной Укки, прямые потомки легендарного истребителя людей, Олле Торхиллда по прозвищу "Краснорогий". В их клане уже тысячи лет передается уникальная и единственная в своем роде профессия: охотник на человека.

– Егерь, – робко поправил Синдри. – Мы зрители заповедника, не охотники.

– Егерь так егерь, – усмехнулся Крис. – Гуннар, когда ты позвонил в студию, я долго сомневался, стоит ли сюда ехать, но ты был весьма убедителен. Давай-ка, расскажи зрителям, почему ваша работа заслуживает титула самой грязной?

Большой зеленый растерянно почесал за рогом.

– Ну-у-у... – протянул он. – Так сразу и не объяснишь. За простыми зверями

смотреть, оно и так, не самое чистое занятие, а уж за людьми? – он покачал головой.

– Тут порой такое бывает...

– Например? – подбодрил его Крис. Гуннар нерешительно улыбнулся.

– Ну... Люди хитрые и злобные твари. Вечно норовят удрать с острова или устроить нам пакость, часто рвут нейротические изгороди и устраивают засады, когда мы летим их чинить. Еще они мусорят и гадят повсюду, а уж простых животных истребляют пачками, просто со злобы, мы ведь людей подкармливаем, нужды в охоте никакой. Иной раз летишь над прогалиной – и видишь десяток ободранных туш, олени, лоси, туры... Убивают, шкуры снимают, а мясо так и бросают гнить. Крылья опускаются прямо! Но хуже всего – грязь, более грязных зверей на Земле не сыскать, голову дам на отсечение. От любого гнезда на километры несет такой вонью, что в центральные районы острова без носовых фильтров лучше не летать, можно на месяц нюха лишиться. Люди ведь не как другие звери – те в логовах никогда не гадят, находят местечко в лесу и... А люди вокруг своих берлог копают ямы, и пока не заполнятся, все гнездо туда гадит. Потом роют следующую... Что ж странного, что болеют часто, при такой-то чистоплотности? Вон, полгода назад в центральном гнездовье разыгралась чума, нам пришлось обработать усыпляющим газом всю местность и десять дней, да, десять дней на вездеходах вывозить помет, пока ветеринары с материка вакцинировали каждую тварь... Думаете, тем все и кончилось? Как бы не так, понаехали эксперты и мы целую неделю рылись в этом помете, чтобы узнать причину болезни! Месяц назад генетики позвонили, сказали, надо скрестить дочь доминантного самца с носителем другой линии, а когда Синдри отправился за самкой, на него набросилась целая стая бродячих...

– Бродячие? – уточнил ведущий. Молодой Синдри смущенно кивнул.

– Самый опасный подвид, – отозвался он. – У людей в стаях сложная иерархия. Бродячие – это особи-воины, как у муравьев, но, в отличие от насекомых, у людей воины не рыщут в поисках добычи, а просто бродят от гнезда до гнезда, нападая на любого хищника, особенно на нас.

– Нападают на хищников? – переспросил Крис.

– Угу, – Синдри вздохнул. – Точно, как в сказках. Людей ни один этолог не понимает. Чем опасней противник – тем с большей охотой бродячие за ним гоняются.

Мимо волка, скажем, каждый второй спокойно проедет, а вот если меня заметят, или – особенно – отца, так просто с ума сходят, орут и кидаются в атаку со своими палками. Кабы не мы, бродячие давно бы вымерли. Мы их отлавливаем и помечаем радиомаркерами, но некоторые умудряются избавиться от метки. На меня как раз такие набросились.

– Двенадцать разом! – гневно вставил Гуннар. – Изрезали ему всю перепонку, хорошо я поблизости был!

– Но это цветочки, – Синдри улыбнулся. – Настоящее веселье начинается, когда прилетают ученые. Им подавай только лучшие образцы, а люди фантастически умеют прятаться. Иногда ползаешь в их гнездовьях весь день, роешься в берлогах, тонешь в грязи по самые рога, да так ни одну приличную особь и не ловишь.

– А уж коли поймал! – Гуннар возмущенно фыркнул. – Тут зянки в тебя вцепляются мертвой хваткой. Этого нельзя, того нельзя, за ноги не держи – опасно для животного, а попробуй его иначе поднять, кусаются, гады! Больную особь от стаи отделить – хорошая мысль, но заикнись ее потом зарезать – взвоют, как совы болотные! Закон такой–то, поправка такая–то, когтями нельзя, только электрошок... Тьфу!

– Ну, я слышал, раньше людей пытались есть, но вкус у мяса был слишком ужасен, – заметил Крис.

– Да вообще они бесполезные твари, – с чувством отозвался Гуннар. – Только и умеют плодиться, как лягушки, а нам раз в год приходится обрабатывать газом весь остров, подсчитывать поголовье и слать на материк отчет о составе популяции! И ведь их год от года все больше, в прошлый раз мы с Синдри насчитали аж девять тысяч! Послали запрос в Совет кланов, чтобы разрешили отстрел, иначе в заповеднике скоро ни одного зверя кроме человека не останется, но получили отказ: люди, мол, внесены в Белую Книгу, охота строго запрещена, а места на острове много. Какой–то паршивец рассчитал у себя в кабинете, что заповедник способен прокормить двадцать тысяч человек – и пока их не станет больше, запрет на отстрел сохранится. А как нам прокормить двадцать тысяч, если и сейчас приходится раз в месяц тоннами завозить в центральное гнездо подкормку?! Иначе ведьдохнут с голоду, как клопы! Но нет, что вы – биосфере требуется разнообразие, хе! Как по мне

– без людей Земля уж всяко не оскудеет.

– Это вырежем... – пробормотал ведущий. – Что ж, – он обернулся к камере – Звучит весьма мерзко. Возможно, мы наконец отыскали самую грязную работу на свете! Оставайтесь с нами, после паузы вас ожидает экскурсия в человечесье гнездо, уборка помета, отлов доминантной самки и даже, если повезет – схватка с бродячей особью–воином! Снято.

Рэй с облегчением выдохнул, опуская камеру. Крис пожал руку Гуннару:

– Отличное начало. Спасибо.

– Погодите благодарить, – великан фыркнул.

Крис усмехнулся.

– После серии о гастроэнтерологах я не боюсь ничего, – он покачал головой. – Знали бы вы, чем иногда приходится заниматься в шоу– бизнесе...

– Мы знаем! – кивнул юный Синдри, – Мы все ваши выпуски смотрели!

– Правда? – Крис весело рассмеялся. – Польщен. Но не будем терять времени: для следующей сценки, нам потребуется один живой человек, лучше самец, чтобы выглядел агрессивно. И обязательно в этих, как их... доспехах?

Синдри фыркнул.

– Легко! Но... – он с сомнением взглянул на отца. – У вас есть право на отлов? Если зянки узнают...

– Мы не причиним зверю вреда, – объяснил Крис. – Он нужен для познавательной лекции. Прежде, чем отправляться к гнездовьям, мы должны объяснить зрителям, что из себя представляют люди, кратко поведать историю наших видов.

Гуннар хмыкнул.

– Да кому это интересно–то?

– Мне, – хмуро отозвалась Тилана. – Зря я, по–вашему, нанимаю консультантов?

Молодой Синдри расправил крылья:

– Я поймаю!

– Давай–давай, – подбодрил его Крис. – Гуннар, а вы, если не трудно, облетите с нашим оператором самые мерзкие и унылые места в округе, пусть наберет

материал.

– Долго искать не придется, – фыркнул великан, направляясь к азартно вилившему хвостом Рэю. Крис и Тилана присоединились к Хаку, который уже распаковывал большую летающую камеру.

Съемку эпизода решили вести рядом с домом Торрхилдов, за нейротической оградой – никто не хотел признаваться, но под ее защитой было спокойнее. Генератор использовать не удалось; доисторический, дизельный, он так тарахтел, что Хаку молча провел когтем поперек горла и отключил двигатель. Пришлось на скорое крыло тянуть кабель до катера и вновь запрячь в работу его многострадальный реактор, благо, на сей раз предстояло питать лишь "юпитеры" – мощные плоскопанельные прожекторы с девяностопроцентным охватом солнечного спектра. Не то, что б естественного света не хватало, время едва перевалило за полдень, но Рэй не хотел рисковать. Сейчас он суетился у прожекторных стоек, поминутно передвигая то одну, то другую.

Гуннар заканчивал обматывать нейротические кабели вокруг импровизированного вольера из четырех сосновых бревен, Хаку устанавливал на заднем плане зеленый экран. Крис улыбнулся, вспомнив анекдот, почему изумрудных не берут комментаторами.

Сам он занимался калибровкой главной камеры; Тилана, явно скучая, стояла у вольера с "мирой", особой настроечной таблицей для объективов, пока Крис добивался максимально четкого изображения в мониторах.

– Готово, – сказал он наконец. – Меняемся.

– Уфффф... – Тилана с облегчением свернула миру. Крис встал из– за контрольного стола и подошел к вольеру.

– Звук, картинка? – поинтересовался у Тиланы. Невысокая, полноватая черная продюссерша плюхнулась в кресло:

– Отлично, – она подняла наушники. – Начинаем репетицию.

– Репетицию? – переспросил Крис. – С какой стати?

– А я не уверена, помнишь ли ты текст, – фыркнула Тилана. Оценив кислое выражение на лице ведущего, добавила с легкой иронией: – Делать–то все равно нечего.

Крис вздохнул.

– Ладно. Что ж... – он сделал вид, будто разглядывает кого–то в вольере. – Прекрасный экземпляр, не находите? Какая шерсть, прямо лоснится! А можно его погладить?.. – тут же состроив страшное выражение, Крис поспешно возразил низким голосом: – ...ни в коем случае! Они кусаются!

Рэй, закончив наконец возиться с прожекторами, громко фыркнул. Они с Хаку как раз подошли к аппаратной и встали по сторонам от Тиланы. У вольера остался лишь Гуннар, продолжавший с ворчанием готовить защиту.

– Итак, друзья, давайте слегка освежим в памяти все, что мы знаем о людях, – начал Крис, облокотившись об угловое бревно. – Конечно, все помнят бесчисленные сказки о сражениях героев с жестокими стаями рыцарей, а история прекрасной Кайтэ, дочери клан–вождя Олле Краснорогого, вошла в мировую классику...

Гуннар сильно вздрогнул, однако промолчал. Крис легонько улыбнулся.

– ...но сейчас, я бы хотел поговорить не о сказочных, а о реальных людях – вымирающем виде удивительных реликтовых хищников, чудом доживших до нашего времени. Дело в том, что человек – существо во многом уникальное; земной науке неизвестны другие звери, практикующие мимикрию под разум.

Ведущий поднял коготь в жесте внимания.

– Да, да, мимикрию. Большинство так называемых активистов, утверждающих, будто люди – наши братья по разуму, и не подозревают, как глубоко в свое время изучался этот вопрос. Биологам даже пришлось выделить человека в особый отряд "псевдоразумных" – и, пока что, он там единственный представитель.

Крис скрестил на груди руки.

– Задумайтесь, друзья... – он поднял взгляд. – Термиты строят колонии, ничуть не уступающие человеческим логовам. Дельфины обладают языком, по сложности догоняющим наш! Личинки стрекоз, обитающие на дне пресных озер, делают себе "доспехи", куда более прочные относительно размера, чем лучшие человечески

попытки, а орудия труда умеют применять даже колонки и выдры, не говоря уж о бобрах, способных планировать на годы вперед, и конечно воронах – единственных животных, кто, подобно нам и людям, умеет изготавливать орудия труда специально для текущей цели. Но разве кого-то из этих милых, сообразительных зверей, мы зовем братьями?

Крис вздохнул.

– Конечно, было бы романтично и прекрасно, окажись человек нашим братом. На сколько этические, философские и научные проблемы удалось бы взглянуть свежим взором! Ведь мы до сих пор гадаем, одиноки ли мы во Вселенной? А что, если удивительный, невероятный жребий, одаривший нас разумом, на других планетах так и не выпал?

Ведущий мечтательно облизнулся.

– Представьте, каким могучим доказательством в пользу повсеместного распространения разума оказалось бы обнаружение здесь, под самым крылом, еще одного разумного вида. И человек долгое время считался таковым; если верить новым археологическим раскопкам, приблизительно двенадцать тысяч лет назад, в разгар последнего ледникового периода, люди доминировали на Земле. Их "города", как и многие старые термитники, занимали десятки квадратных километров, в своей мимикрии под истинный разум человек зашел весьма далеко. Нам даже сегодня с трудом верится, что все это было лишь подражанием.

Крис тяжело вздохнул.

– К несчастью, дальнейшие события ставят на сей завораживающей картине жирную, кровавую точку. Знаю, вам трудно поверить, но двенадцать тысяч лет назад из шести континентов Земли необитаемой была только Антарктида. Мы узнали об этом недавно, создав роботов, способных вести раскопки в зараженных зонах.

Ведущий напряг крылья.

– Только представьте – пять континентов, сочащихся жизнью, с плодородной почвой, лесами и реками, целых пять континентов жизненного пространства! А не один, как сейчас... Экологи говорят, на зараженных землях снова можно будет жить лишь через миллион лет. Согласитесь – подобного с родной планетой не сотворит ни одно разумное существо. Вот почему сто шестьдесят лет назад, в разгар споров о

роли людей в истории, под натиском общественного мнения Совет Кланов утвердил резолюцию: люди не могут считаться разумными. Они не получают второго шанса загубить Землю. Пусть их поведение иногда и выглядит разумным, пусть каждая взятая отдельно особь способна казаться сколь угодно сообразительной и даже мудрой – общей картины это не меняет. Достаточно сравнить человеческую толпу со стадом равнинных обезьян, чтобы сомнения отпали даже у самых скептически настроенных индивидуумов: люди, как вид, являются животными.

Крис указал на пустой вольер.

– Опасными животными, – добавил он с грустью. – Столь опасными, что, одно время, их практически истребили, и, не спохватись мы вовремя... Сегодняшней передачи могло бы не быть, – улыбнулся ведущий. – К счастью, опасность вымирания людям больше не грозит. Здесь, в заповеднике, на острове, некогда звавшемся Тасманией, а сегодня, после рокировки магнитных полюсов – северной Уккой, их обеспечили максимально комфортными...

– Стоп, – Тилана недовольно скрестила крылья. – Не пойдет. Затянуто.

– Ты ж сама одобрила текст! – опешил Крис.

Продюссерша мотнула головой:

– Я читала, а не слушала с экрана. На бумаге нормально, вживую – нудно и затянуто. У нас не научно–популярная программа.

– А какая?! – Рэй моргнул.

Тилана устало вздохнула.

– Это шоу, парень. Шоу! Мы развлекаем аудиторию!

– Нет уж, позвольте... – в разговор вклинился Гуннар. – Я смотрел все выпуски и узнал кучу интересного.

– Он прав, Тилли, – заметил Крис. – Мы не только развлекаем.

– И чему можно научиться, глядя, как ты роешься в помете и чинишь старые экскаваторы? – гневно спросила продюссерша. – Я до последнего мига не верила, что эта безумная программа будет иметь успех.

– И ошиблась, да, – весело вставил Хаку.

– Ошиблась, – согласилась Тилана, – Но помилуйте, кто станет смотреть "Замай–ка хвост", чтобы изучать историю?!

– Так в том и соль! – Гуннар шагнул вперед. – Вот Синдри мой, даром что умный да старательный – попробуй засадить его за образовательную передачу, в потолке дырку прожжет! Зато ваши программы не пропускает, а там ведь не только в грязи копошатся, там целую уйму всего узнаешь о разных работах, о технике, о взаправдашней жизни!

Крис, слушавший со странным, напряженным вниманием, заметно вздрогнул. Перехватив взгляд Гуннара, он слабо, но с огромной признательностью кивнул. Буро–зеленый отозвался улыбкой.

– Ребята, – Рэй робко поднял крыло. – Я тут новичок, высказываться не могу, но как оператор... Время– то поджигает. В этих широтах темнеет рано. Где Синдри, почему до сих пор нет образца?

Гуннар с удивлением взглянул на солнце.

– И то правда... – он снял с пояса старенький, пугающе массивный спутниковый коммуникатор. – Синдри. Синдри, прием.

Из прибора донеслось шумное, частое дыхание разгоряченного юноши:

– Я лечу, пап! Только–только поймал!

– Что так долго? – с легкой тревогой спросил Гуннар.

– Выслеживал! Хотел альфу захватить, он во главе целой стаи ехал на охоту, тут–то я и вмешался, хо–хо! Отец, мы уже почти долетели, готовь изгородь – люди просто взбесились! Гонятся за мной по земле, стреляют!

– Стреляют?! – переспросил Крис. Гуннар тяжело кивнул.

– Лук и стрелы. Отравленные.

– Э–э–э... – телевизионщики переглянулись. Буро–зеленый вскинул крыло в успокаивающем жесте:

– Не бойтесь, нейроизгородь им не по зубам.

– А навесом? – нервно спросил Хаку.

– Людей остановит еще первый защитный периметр, в километре отсюда, – Гуннар кивнул на лес. – Забор вокруг дома нужен просто для страховки, людская территория надежно изолирована.

– Уверены? – с тревогой спросил Крис. – Вы не говорили, что у людей есть настоящее оружие!

Гуннар фыркнул.

– Не смешите. Оружие? У этих тварей?

– Если научились делать лук и стрелы, скоро научатся и ракеты строить, – хмуро заметила Тилана. – Вся планета тому свидетельница.

– Не успеют, – жестко отрезал Гуннар.

Тем временем с неба прямо во двор спикировал ликующий Синдри. Юноша держал в когтях крупного, пожилого самца с пышной гривой седых волос. Как и многие его сородичи, человек носил яркий искусственный панцирь, известный в поп-культуре под названием "доспехи", но в данном случае панцирь выглядел столь роскошным, а краски – такими сочными, что даже неопытный Крис сразу понял: Синдри изловил не простую особь. Лоб человека перехватывал красивый металлический обруч с зубцами, судя по блеску – золотой.

– Альфа! – гордо заявил Синдри, сбросив пленника в вольер с небольшой высоты. Тот сразу вскочил, но, проявив неожиданную для зверя смекалку, даже не попытался броситься на нейротические провода – очевидно, узнал их. Запыхавшийся Синдри приземлился и шумно перевел дух.

– Отец, мне перепонку дважды прострелили, – он показал крыло. Гуннар, чертыхнувшись, бросился в дом и быстро вернулся с аптечкой. Синдри лишь чуть вздрогнул, когда пневматический иньектор с щелчком впрыснул вакцину в его бедренную артерию.

– Универсальная, нейтрализует любой яд, даже органический, – пояснил Гуннар. – Самопрограммируемые антитела.

– Нанобионика? – Крис все еще с опаской поглядывал на человека в клетке. Тот, скрестив на груди мощные лапы, смотрел на Гуннара с неприкрытой ненавистью. – Кажется, он вас узнал...

Зеленый криво усмехнулся.

– Еще бы. Мы с Эйриком давние... друзья.

– Эйрик? – не понял ведущий.

– Так его зовут, – пояснил Гуннар. – Это альфа-самец главного гнездовья, по-ихнему "король". У нас личные счеты.

Телевизионщики разом вздрогнули. Молодой Рэй, нервно помахивая хвостом,

шагнул вперед:

– Почему?

– Я же рассказывал. Месяц назад генетики попросили скрестить его дочь с самцом из другой линии.

Крис отпрянул. Пока Тилана, Рэй и Хаку переглядывались, ведущий первым взял себя в крылья и хрипло спросил:

– И... Где его дочь сейчас?

– Ну ясно же, когда самочка понесла, ее забрали на материк.

Ведущий сильно вздрогнул.

– Она жива?

– К сожалению, да, – Гуннар вздохнул. – Опыты над людьми запрещены той же полуторавековой резолюцией... А эмбрионы упомянуть забыли. В Центре популяционной генетики одержимы идеей вывести чистую линию людей, без гена агрессии. Полвека уже выводят, да все без толку.

Крис бросил невольный взгляд на человека в клетке и поежился. Тем временем Рэй гневно встопорщил гребень и подошел к зелено-бурому великану вплотную:

– Вы можете с ним общаться?

Гуннар рассмеялся.

– Мой клан истреблял этих тварей тысячи лет. Мы знаем все друг о друге.

– То есть...?! – Крис задохнулся. – Он... он сейчас понимает наш разговор?!

Человек в клетке сплюнул.

– Лучше б не понимал, – сказал зверь низким и хриплым голосом, с трудом выговаривая чужие слова.

Тишину, воцарившуюся на полянке, можно было резать пилой. Оцепеневшие телевизионщики уставились на человека квадратными глазами, Гуннар и Синдри удивленно переглянулись. Первой, как ни странно, опомнилась Тилана:

– Ну, знаете... – протянула она слегка севшим голосом. – Ну, знаете ли...

– В чем дело? – недоуменно спросил Синдри. – Вас не предупредили, что некоторые люди умеют говорить по–нашему?

– А... – Тилана подавилась и хрипло рявкнула: – Да вот забыли как– то!

Гуннар озадаченно почесал за рогом.

– Нифига себе фокус, – пробормотал великан. – Почтенная, да ведь зянки только об этом и визжат. Человек, мол, способен говорить, а значит не зверь, и прочее, прочее...

Крис, одолев наконец шок, нервно сглотнул.

– Ну... – выдавил он. – Мы, конечно, знали, что у людей есть сложная сигнальная система... Как у дельфинов...

– Душой клянусь, я не ждал говорящих животных! – заметил Хаку.

Человек в клетке яростно подался вперед.

– Животные?! – воскликнул он. – Это вы животные! Мерзкие ящеры, поработившие человеческий род!

Никто из телевизионщиков не нашел сил возразить, так что за всех отозвался Гуннар:

– Эйрик, не начинай, – пригрозил он хмуро. – Хуже будет.

– Думаешь? – с ненавистью спросил пленник. – Совсем скоро ты запоешь по–другому, дракон. Вы все запоете!

– Опять двадцать пять... – пробормотал Гуннар. Крис тяжело дышал.

– Дракон? – со странной робостью спросил он у человека. – Вам известно наше самоназвание?

– Да, – резко бросил король. – Только оно не ваше!

– Что?! – Рэй отпрянул. – В к– к– каком смысле?!

Человек криво усмехнулся.

– Это мы вас прозвали драконами. Мы, истинные хозяева Земли! – он сжал кулаки и подался вперед всем телом. – Тысячи лет предки истребляли вас, наглых, надменных ящериц, после Огнепада возомнивших, будто достойны править миром людей! Веками вы пресмыкались у наших ног, прятались в болотах и трепетали, слыша рокот боевых барабанов, обтянутых кожей ваших змеенышей!

– Обтянутых кожей?! – переспросил шокированный Крис. Синдри с усмешкой

развернул крыло и кивнул на зеркально-блестящую изумрудную перепонку.

– Это у людей пунктик, – весело пояснил юноша. – Мы крылатые, а они слюной исходят от зависти. Помню, видел серию карикатур – человек наблюдает за птицей, пытается сделать крылья, терпит неудачу, делает вместо крыльев лук и сбивает птицу стрелой. Все так и есть, поверьте.

– Но зачем?! – поразился Рэй. – Если не умеешь чего-то сам, зачем ненавидеть тех, кто умеет?!

– А что б помнили, кто на Земле хозяин, – глухо ответил Гуннар.

Потрясенный до глубины души, Крис невольно сглотнул.

– Это... Наверно... Особенность мышления, да? – предположил он, нервно дергая хвостом. – Люди ведь нам совсем чуждые, даже среда обитания иная...

– Особенность – то она особенность, да только не мышления, – процедил Гуннар сквозь зубы. – Во времена моего деда, всех ваших мудреных словечек еще не придумали. Тогда говорили просто... – он склонился к вольеру и рявкнул в лицо человеку: – Ядовитая кровь!

Пленник сплюнул.

– Из крови драконов мои деды готовили лучшую крысиную отраву.

– А вас мы травим с воздуха, как крыс! – весело парировал Синдри. – Каждый год! И пересчитываем, будто скот!

– Это вы – скот, – хрипло сказал человек. – Крупный рогатый скот, декоративное зверье моих предков. До Огнепада вас разводили, как скаковых лошадей – лишних пускали на мясо, а своенравным и слишком умным выжигали всю дурь под хвостом!

Телевизионщики невольно отпрянули. Но Гуннар лишь криво усмехнулся.

– Вот-вот, – заметил он с ненавистью. – А сейчас "дурь" выжигают твоей милой доченьке. Поглядим, какого жениха ты найдешь принцессе, утратившей девственность в лапах дракона!

Человек дернулся, чуть было не бросился на изгородь, но страшным усилием воли себя сдержал. Гуннар оскалил клыки.

– Что, тварь? – спросил он глухо. – Не нравится быть животным?

Король с хрустом сжал кулаки. В его глазах горел такой гнев, что Криса

передернуло.

– С тобой я расквитаюсь сам, – человек поднял руку в латной перчатке и указал на Гуннара. – Это личное. Обещаю, дракон: еще до исхода недели, я буду хохотать, глядя, как ты воешь над своим отродьем, – он бросил на Синдри ненавистный взгляд. – Слово короля.

Буро–зеленый грозно шагнул вперед.

– Лучше не зли, – предупредил великан. – Ты меня знаешь.

– Зато ты не знаешь меня, – уже спокойнее, с силой глотая воздух, ответил Эйрик. – Осталось недолго.

Молодой Рэй нервно помахивал хвостом.

– О чем он?

– Да так, грозится в пустоту, – Синдри улыбнулся. – Люди только и умеют грозиться. А я унес тебя прямо из–под носа твоих лучших солдат! – заявил он гордо.

Король усмехнулся.

– Радуйся, змееныш, радуйся. Поглядим, кто будет смеяться последним, – он скрестил на груди руки и отвернулся. Гуннар устало махнул крылом.

– Ну, нравится наша работа? – с чувством спросил он у Криса.

Тот молча взглянул на Тилану. Продюссерша кусала губы, нервно помахивая кончиком хвоста – у нее этот жест означал настоящий, подлинный шок. Довольно долго царила тишина, все ждали решения. Наконец, с силой выдохнув, Тилана покачала головой.

– Все. Собираемся.

– То есть как?! – опешил Синдри.

– Передача отменяется, – резко ответила Тилана. – Вы не предупреждали, что люди способны общаться с нами. Это все меняет. Это, черт возьми, все поворачивает хвостом вперед!

Гуннар недоуменно моргнул.

– Но...

– Что? – Тилана свирепо обернулась. – Ты чем–то недоволен? Может, хочешь, чтобы мы отсняли выпуск "Замарай–ка хвост", где Крис будет убирать помет за ГОВОРЯЩИМИ животными и отлавливать их самок?!

– Но все и так знают, что люди говорящие! – изумленный Синдри робко шагнул вперед. – Это же не тайна!

– Про дельфинов тоже все знали, – глухо ответила продюссерша. – Что мешало клану Ямато целых триста лет торговать их мясом на мировом рынке.

– С дельфинами вышла ошибка! – горячо возразил Синдри. – У них рук нету, потому все и думали, что они звери!

– Звери? – Тилана горько улыбнулась. – Малыш, те кого вы зовете "зьянками", все триста лет кричали о преступности охоты на дельфинов, но лишь в последний век общественное мнение стало для клан-вождей важнее экономической выгоды – и они тут же прозрели. Какой ужас, оказывается, мы целых три века промышляли почти разумных, говорящих дельфинов! Ужас!

– Но людей-то никто не промышляет, – холодно заметил Гуннар. – Мы их бережем и лечим, подкармливаем, охраняем. Целый остров им отдали.

– Ты прикидываешься или правда тупой? – Тилана сузила зрачки. – Ты хоть представляешь, что произойдет, если официальный государственный канал покажет, как ЗВЕРЬ на равных беседует с НАМИ и, более того, проявляет свойственные только разумным существам эмоции? Ты хочешь, чтобы он рассказал в прямом эфире, как ты похитил его дочь и передал в институт для осеменения, будто племенную кобылу?

Человек в вольере заметно вздрогнул, но оборачиваться не стал. Разгневанный Гуннар хлестал себя хвостом.

– Это животное! – рявкнул он, ткнув когтем в сторону пленника. – Какая разница, говорит оно, или нет?! Какая разница, сколько оно породило щенят?! Есть закон! Совет кланов определил их животными, и не нам оспаривать их решение!

– Дурак! – отрывисто бросила Тилана. – Это было полтора века назад! С тех пор все изменилось! Люди сегодня никому не интересны кроме активистов, которые выкладывают у себя на сайтах бездарные агитационные ролики да шлют горы писем в телестудии, где весь этот поток спама прямиком отправляется в мусорку. У нас нынче другие ориентиры – сто сорок миллионов на небольшом континенте, перенаселение, нехватка воды, терраморфинг Марса. Начинается грандиозное возвращение на мертвые материки, новые проекты по очистке почвы публикуют

каждый месяц – и тут, как бомба из прошлого, появляется наша программа. КАК?! Это что же выходит?! ЛЮДИ – старые добрые люди, герои всех детских страшилок, столь же привычная деталь ландшафта, как воробьи – эти самые люди УМЕЮТ ГОВОРИТЬ?! Они разумные?! И все это время клан–вожди ЗНАЛИ?! Знали, но держали их в заповеднике?!

– Но вожди и правда знают, – робко сказал Синдри. – И правда держат людей в заповеднике. Где ж их еще держать–то?

– Вот! – Тилана вскинула голову. – Вот, что спросит себя каждый. Если можно держать в клетке людей – чтобы не мешали – а вдруг завтра "мешать" станут серебряные? Или синие? Вдруг завтра Совет кланов объявит животными всех красно–коричневых, а, Хаку?

– П–п–почему нас? – когда техник нервничал, он начинал заикаться.

Тилана пожалала крыльями.

– А почему нет? Вот прецедент, – она кивнула на пленника. – И уж тут никакая столетняя резолюция не поможет, друзья. Разразится всемирный скандал. От вождей потребуют немедленно признать за людьми все права дракона, и вождям ничего не останется, как согласиться.

Крис прищурил глаза.

– Что же в этом плохого? – спросил он негромко.

– Ничего, – отозвалась Тилана. – Напротив, от радости все будут прыгать, скакать и хвостами вилять. А через сто лет, на Земле не останется ни единого обитаемого континента.

Рэй замотал головой:

– Ты не можешь этого знать!

– А надо ЗНАТЬ? – удивленно спросила Тилана. – Одной только мысли, что это ВОЗМОЖНО, тебе мало?

Все замолчали. Гуннар недобро оскалил клыки.

– Я всегда говорил: без людей Земля станет чище.

– О, Земля скоро и впрямь станет чище... – не обернув головы, процедил пленный человек. Юный Синдри внезапно сорвался:

– Заткни пасть, тварь! – рывкнул он в бешенстве.

– Заткну, – пообещал король. – Верь, ящеренок: твою пасть я заткну первой.

Синдри дернулся вперед, но одолел гнев и лишь презрительно фыркнул. Крис, не в силах более выносить напряжение, ядовитым облаком висевшее в воздухе, решительно вышел вперед.

– Гуннар. Отнесите человека обратно к его стае. Быть может, когда-нибудь общество действительно вспомнит о людях и ужаснется, но мы не станем той соломинкой, что сломает спину верблюду.

– Вспомнит, как же... – пробурчал великан. – Было бы о чем помнить...

– Хаку, Рэй, – Крис обернулся к друзьям. – Грузите оборудование на катер, мы возвращается.

Без лишних слов и с явным облегчением оба синхронно кивнули. Тилана покачала головой и уже открыла пасть, собираясь возразить, когда в лесу за оградой раздался одинокий сухой хлопок – будто лопнул воздушный шарик.

Никто даже не успел испугаться. В безоблачном небе прямо над домом внезапно расцвел десяток дымных цветов, на землю пролился салатовый дождь. Чувствуя, как чешуя деревенеет, а в разуме стремительно нарастает мутный гул, потрясенный Крис еще сумел приспустить крылья прежде, чем рухнул в траву.

Очнулся он довольно быстро – там же, где упал. Каждая мышца страшно болела, кружилась голова, в глазах плясали искры. Некоторое время Крис молча хватал пастью воздух, будто большая серебряная рыба на берегу. Последствия отравления медленно отпускали.

– Что это было? – прохрипела Тилана, судорожно дышавшая рядом. Метрах в пяти, из травы с большим трудом приподнялся Хаку.

– Химическое оружие, – выдавил он, тяжело глотая воздух. – Кластерный боеприпас...

– Бое...что? – переспросил Крис.

– Боеприпас, – Хаку сел, качнувшись от головокружения. Со стоном прижал к

вискам крылья. – Я читал о таких... Да... Перед Огнепадом изобрели...

Молодой Рэй, упавший рядом с техником, привстал на крыле. Его трясло.

– Химическое оружие? – тихо спросил оператор. – Военное? Оружие для войны?

Хаку молча кивнул. Рэй дернулся, будто его хлестнули по лицу.

– Но у нас нет войн! – вырвалось у него. – Мы никогда не воевали! С кем нам сражаться?! Друг с другом?! Мы же не люди!

Крис и Хаку переглянулись. Напрягая все силы, серебряный встал; он даже не очень удивился при виде опустевшего вольера.

– Человек исчез, – хрипло сказал Крис. За его спиной, бормоча ругательства, из травы поднялся громадный Гуннар.

– Вот так... – буркнул он свирепо. – Вот вам и...

Великан застыл. Огонь в его глазах моментально погас.

– Синдри? – дрогнувшим голосом позвал Гуннар.

Тишина. Все переглянулись, от напряжения хвост зелено-бурого обратился в каменную горизонтальную полосу.

– Синдри! – уже в полный голос рявкнул гигант. Ответа не было. Судорожно дернувшись, Гуннар сорвал с пояса коммуникатор и откинул защитную шторку.

– Тут без GPS никуда, – буркнул неизвестно кому. – Сейчас живо отыщем...

Экранчик тускло засветился. Некоторое время Гуннар, моргая, вглядывался в показания.

– Не понял... – он вскинул голову, распахнул крылья и двумя взмахами оказался у ржавого ангара, пристроенного к дому. Крис сделал пару шагов вперед.

– Где мальчик? – спросил он тихо.

Гуннар молча поднял из травы рассеченный надвое пояс Синдри, где мигал экран GPS навигатора. Хаку чертыхнулся, растерянный Рэй попятился. Крис стиснул зубы.

– Он захочет обмена, – сказал коротко. – Твоего сына на свою дочь. Так что Синдри пока не убьют.

– А нас почему не убили, пока мы валялись без памяти? – спросил Рэй. – И как они забрали Синдри, ведь изгородь цела! – юноша обвел полянку крылом.

Крис запнулся, удивленно покачал головой.

– Не знаю...

Гуннар, наконец, пришел в себя и яростно ударил хвостом:

– Ждать подмогу нет времени, – отрывисто бросил зеленый великан. – Пока с материка придут спасатели, пока разработают план операции и получат разрешение кланцентра, Синдри погибнет. Кто летит со мной?

– Это безумие! – воскликнул Рэй. – У людей химическое оружие, их там тысячи! А ты даже не знаешь, где прячут сына!

– Нет выбора, – глухо ответил Гуннар.

Крис с силой втянул воздух:

– Я работал со спасателями в нескольких сериях программы, – сказал он негромко. – Общее представление имею. Я лечу.

Юный Рэй в ужасе переводил взгляд с серебряного на зеленого и обратно.

– Но... А... Мы... ГАЗ! – воскликнул оператор. – Сонный газ!!! Защитное снаряжение!

– Респираторы не помогут, – чуть дрожащим голосом возразил Хаку. – Люди применили контактный нервнопаралитический яд, его вдыхать не обязательно.

– Грррау! Тогда... Тогда... – Рэй сглотнул. – Тогда шансов просто нет...

– Есть! – Крис встрепенулся. – Сыворотка!

Он обернулся к зеленому великану и схватил его крыльями за плечи:

– Гуннар! Если заранее сделать инъекцию вашей нановакцины, она нейтрализует контактный яд?

Охотник зажмурился, на пару секунд задержал дыхание. Было видно, какого чудовищного напряжения стоит ему каждый вдох.

– Должна, – не раскрывая глаз, произнес Гуннар. Шумно выдохнул, перебрал крыльями, с хрустом сжал когти. – Я знал, что этот день придет. Хоть и мечтал не дожидаться. За мной, Крис! – он бросился к дому. Серебряный последовал мгновением позже.

Шлемы с забралами из непробиваемого неогласа. Легкий, но прочный каркас на грудь. Кевларовые наручи. Нахвостник. Гибкий пластинчатый щит на горло, углепластиковый треугольник под живот. Крылья защищать было нечем – слабое

место испокон веков, думать о них сейчас не осталось времени.

– Ноги береги, – хрипло дыша, наставлял Гуннар, пока оба лихорадочно облачались в броню. – Подсекут колени – и кранты, без прыжка не взлетишь. Чуть что, падай на четвереньки, мы сверху лучше бронированы. За грудь и горло не бойся, каркас выдержит, а за животом следы, могут подкатиться. Не успеваешь отпрыгнуть – просто дави массой, всегда работает. Главное, про киношные схватки с рыцарями забудь! Ударишь когтями в панцирь – только погнешь, а не повезет, так без когтей останешься. Бей кулаком! Доспехи против когтей хороши, потому что при ударе когтями силы в руке нет, а кулаком ты рыцарю все кости в муку перемелешь, не вынимая из панциря. Запомнил? Не ищи слабых мест, не меть в голову, любой наш удар для человека последний. Тупо бей с размаха, коленями, крыльями, стопами, кулаками, а особенно хвостом! Подбросил гада в воздух – все, он мертв, не жди пока упадет, сразу бей следующего! Забудь про когти, про зубы! Умелый дракон в рукопашной – это стенобитное орудие весом в полторы тонны, ему когти не нужны, ясно?

– Ясно, – коротко кивнул Крис. – Сонный газ?

– На материке...

– Гррр! Оружие?

– Одни разрядники, ласку им в гнездо, – выругался Гуннар. – Ну да ничего, от них только задержать и требуется, а с этим справятся. Два на запястья, один на хвост – умеешь пользоваться?

– Хе-хе, – Крис криво усмехнулся. – Забыл выпуск о крокодиловых фермах?

– Только бы успеть... – с мукой выдавил Гуннар. – Аптечка в каркасе, аэробинт и морфин пригодятся, когда перепонку резать начнут. Вакцину не вводи до самого гнезда!

– Как долго антитела остаются активны?

– До часа после инъекции.

– Значит, у нас только час... – хрипло произнес серебряный.

Гуннар кивнул:

– Негусто.

– Имей в виду, как бы ни повернулось, Эйрика трогать нельзя! – с тревогой

предупредил Крис. – Его дочь наш единственный козырь, только она сейчас отделяет Синдри от смерти!

– Знаю, – огрызнулся зеленый. – Все, летим!

Они выбежали из дома. Рэй и Хаку, испуганные, растерянные, так и стояли в траве, беспомощно уронив крылья, рядом сидела шокированная Тилана. Внезапно Крису почудилось, будто все это уже было много–много раз. Пылающее вечернее небо, страх за беззащитных друзей и неумолимый, чуждый враг – словно ожила генетическая память, память тех древних дней, когда драконы бились с людьми за место под солнцем, за право жить, за шанс воспитывать детей в безопасности и любви. Дежавю навалилось с такой силой, что Крис покачнулся и схватил Гуннара за крыло:

– Секунду! – он подбежал к друзьям. – Тилл, вызывай подмогу с материка, пусть везут медиков! Хаку: нам порвут перепонку, возвращаться будем пешком. Позаботься, чтобы не мимо лагеря, ладно?

– Сделаем... – выдавил техник.

– Мы спасем мальчика! – крикнул Крис и уже распахнул крылья, чтобы вместе с Гуннаром броситься в небо, но, тут, наконец, опомнилась Тилана, которая с самой атаки молча сидела в траве.

– Отставить!!! – рявкнула она с такой яростью, что обернулся даже зеленый. – Спятели?! Спятели, да?! Куда прете?!

– Тилл, у нас нет выбо... – договорить Крис не сумел, так как черная драконица вскочила и со всего маху вцепилась ему крылом по лицу, чуть не сбив с ног.

– Да ужжжжж... – ядовито протянула Тилана. – У таких идиотов и впрямь выбора нет. Зато у нас он, к счастью, есть! – драконесса бросила на Гуннара бешенный взгляд. – Тоже мне, профессионал! Охотничек нашелся!

Она рубанула крылом воздух.

– Дуболомы! Игуаны безмозглые! Тут вам что, ролевка?! Отыгрываете героических драконов?! Вам разум на что дан?! – драконесса от ярости даже подпрыгнула. – Мы не животные!!! Мы не кидаемся с рычанием прямо в ловушку!

– Э– а... – озадаченный Крис моргнул. – Тилл, но...

– Мы не кидаемся в ловушки, – свирепо повторила драконица. – Мы туда

дистанционные камеры отправляем, ясно, геккон?

Хаку и Рэй широко раскрыли глаза, Гуннар чертыхнулся. Пораженный Крис обернулся к массивной, обтекаемой летающей камере, которую сам же калибровал меньше часа назад.

– С ума сойти... – пробормотал он.

– Нет уж, для этого сначала ум требуется! – гневно отозвалась Тилана. – Ты! – она ткнула когтем в техника. – Синдри микрофон не снимал, так?

– Микрофон! – завопил Хаку. – Душой клянусь!

– Именно, – Тилана отрывисто кивнула. – Закрепи ресивер на камере и включи на частоту Синдри. Мы не звери, ясно? Мы драконы, а драконы сначала отправят МАШИНУ в разведку, прежде, чем героически рычать! Отыщем Синдри, узнаем, сколько людей его охраняют, доложим обо всем на большую землю, а потом уже решим, как вызволять мальчика!

Гуннар страшным усилием воли заставил себя кивнуть. Техник подбежал к камере:

– Сейчас, да, мамой клянусь, и моргнуть не успеем... – Хаку сорвал с шеи ресивер, открыл дверцу в борту аппарата – и внезапно застыл.

– А... О...

Он попятился.

– Клянусь хвостом! – изумленно выдавил техник. – Она включена!

– Что? – медленно переспросил Крис. Потрясенный Хаку поднял глаза:

– Ребята! Я камеру не отключал! Она работает!!! Жизнью клянусь, она все записывала, пока мы лежали без памяти!!!

На сей раз, удивленный возглас не сдержала даже Тилана.

Все сгрудились вокруг контрольного стола, куда Хаку водрузил самый большой из имевшихся мониторов. Тяжело дыша от волнения, техник провел когтем по сенсорной шкале времени до отметки "два пятнадцать". На экране появилась

знакомая картина – вольер, где, спиной к камере, скрестив на груди лапы, стоял человек.

– Вспомнит, как же... – донесся голос Гуннара. – Было бы о чем помнить...

– Хаку, Рэй, – произнес знакомый баритон серебряного дракона, – Грузите оборудование на катер, мы возвращается.

Пару секунд тишины – и хлопок. Перед объективом промчалось несколько салатных капель, пленный человек дернулся, схватился за горло и с хрипом упал. Крис нервно облизнул губы.

Целую бесконечно долгую минуту ничего не происходило. Динамики молчали, король без сознания валялся в траве. Затем, внезапно, в правой колонке послышался шорох и перед камерой появился новый человек. Все невольно отпрянули от экрана.

Зверь был одет в мешковатый комбинезон камуфляжной окраски, до такой степени утыканный еловыми ветками и травой, что контуры даже вблизи расплывались на фоне леса. Морду скрывал шлем с темным, не бликующим забралом, тело было обвешано огромным количеством снаряжения – от рюкзака и поясных сумок до карманов на голених и бедрах, откуда торчали рукояти двух черных ножей. Из-за левого плеча зловеще высывался ствол неизвестного, но даже с виду смертоносного оружия.

Крис сглотнул. Человек на экране протянул руку в перчатке к нейротической защите вольера и приподнял кабели, будто те были обычной проволокой. В поле зрения появился другой зверь – одетый в точности, как первый. Двигаясь быстро и бесшумно, новый человек проскользнул под кабелем, который оттягивал его товарищ, и упал на колено возле неподвижного короля. На глазах потрясенных драконов, зверь извлек из кармана иньектор, похожий на впятеро уменьшенную копию нормального. От укола пленник почти моментально очнулся и жестоко закашлялся, скрутившись в спазме. Человек в камуфляже бросил иньектор товарищу у ограды, что-то негромко сказал.

– "Обработайте драконов, пока не подошли", – глухо перевел Гуннар. Хаку, чуть не подпрыгнув, вдавил клавишу паузы и резко обернулся на стуле:

– А?!

– Ты слышал, – буро-зеленый устало сомкнул веки. – Они все же добрались...

– прошептал он с горечью. – Добрались...

– Кто? – не поняла Тилана.

– Так, ничего, – Гуннар сглотнул. – Мысли вслух.

Черная драконесса сузила глаза.

– Ты что-то знаешь, – заметила она подозрительно. – Кто эти люди?

Гуннар метнул на Тилану странный взгляд, где смешались горе и облегчение одновременно.

– Такие же звери, как и прочие, – помолчав, ответил зеленый. – Просто животные.

– Не похожи они на зверей.

– Звери бывают разные.

– Что ты скрываешь, Гуннар? – с тревогой спросил Крис. – Тебе известно, откуда они?

– Нет, – ровно ответил дракон.

– Если знаешь, ты должен сказать нам!

– Я давно отдал свои долги, – холодно произнес Гуннар. – И немало чужих в придачу. Разговор окончен.

Все переглянулись. Молодой Рэй, нервно подергивая хвостом, попытался разрядить обстановку:

– А что значит "обработайте драконов"? – спросил он, кивнув на экран.

– Похоже, яд в их оружии был смертельный, – сухо сказала Тилана. – Нам ввели тот же антидот, что и Эйрику.

Крис бросил на Тилану напряженный взгляд.

– Намекаешь, нас просто не хотели убивать?

– Смотрим дальше, – вместо ответа приказала драконесса. – Гуннар, переводи синхронно! – она щелкнула клавишей диктофона.

Тяжело дыша, всерьез испуганный Хаку с трудом кивнул; изображение вновь ожило. Человек в камуфляже помог Эйрику встать, король о чем-то яростно спросил.

"Какого черта, где вы были раньше?!" – перевел Гуннар.

"Не ждали нападения."

"У этих тварей нет расписания!"

"Простите, ваше величество, мы еще не освоились..."

Человек в камуфляже попытался положить руку Эйрику на плечо, но тот в бешенстве ее сбросил. Взглянул куда-то за пределы кадра, вздрогнул, шагнул вперед:

"Почему твои люди возятся с драконами?" – хрипло дыша, перевел Гуннар. – "Добивают?"

Крис невольно дернулся. Человек в камуфляже покачал головой.

"Ваше величество, повторяю в сотый раз: драконы не должны знать о нас. Если сдохнет хоть один, это привлечет к заповеднику внимание, а мы еще не готовы. Вы не представляете, как мы рискуем сейчас!"

"Вы СПАСАЕТЕ чешуйчатых гадов?!" – по выражению лица Эйрика смысл вопроса был ясен и без перевода.

"Так надо, ваше величество."

"Кому надо?!" – взревел король. – "Вам?! Эти твари похитили Хельгу! И вы еще смеете просить у меня людей?!"

"Ваше величество, умоляю, спокойнее..." – человек поднял руку в мирном жесте. – "Вспомните, мы нужны друг другу!"

"Нет, это я нужен вам!" – свирепо возразил Эйрик. – "Вас ведь очень мало, а, Роберт? Без моих людей, без ресурсов вы обречены!"

Человек в камуфляже скрестил на груди руки.

"Можно подумать, вы в лучшем положении. Последний раз говорю: остыньте, ваше величество. И следуйте за нами!"

Он направился к изгороди, где второй человек с плохо скрытым нетерпением переминался с ноги на ногу. Но Эйрик не торопился. Оглядевшись, он издал торжествующий возглас и куда-то указал пальцем.

"Змееньш!"

"Ваше величество..."

"Не забывайся, Роберт," – яростно произнес бывший пленник. – "Я пока еще король, и ты гость в моих землях. Хочешь людей? Помощи? Изволь уважать мою волю, или я сам открою драконам твой милый секрет!"

Человек, которого назвали Робертом, рывком обернулся.

"Это угроза?" – спросил он холодно.

"Это факт", – король криво усмехнулся. – "Я тебе нужнее воздуха, иначе ты не рискнул бы отбить меня у ящериц. Слушай и запоминай: я дам тебе людей, дам все, что захочешь, но только в обмен на дочь."

"Мы даже не знаем, где ее держат!" – в ярости отозвался Роберт. – "Чертов придурок, ты хоть сознаешь, что ради тебя мы рискуем будущим человечества?!"

"А мне плевать на человечество", – коротко сказал Эйрик. – "Я люблю свою дочь. Мы заберем змееныша, и я выторгую жизнь Хельги в обмен. Ты подчинишься, мерзавец, если хочешь моей помощи!"

Роберт и его товарищ стояли совсем рядом с камерой, поэтому драконы слышали тихую фразу, явно не предназначенную для ушей короля:

"Капитан, это может сработать" – чуть слышно произнес второй человек. – "Когда ящеры очнутся, они решат, что дикари похитили детеныша ради выкупа. Похищение сразу отвлечет их внимание."

Роберт помедлил.

"Хорошо", – бросил он Эйрику. – "Теперь запомни: когда драконы примчатся за детенышем, ты сам, не дожидаясь вопроса, заявишь, что обнаружил склад с оружием времен Огнепада, ясно? Будешь угрожать и хохотать, как дешевый злодей! Они должны поверить, что нападение провели твои люди! Иначе, богом клянусь..."

"Согласен!" – рявкнул король. – "Шевелись, ну!" – он бросился к изгороди и, все трое, покинули кадр. Некоторое время царил тишина, затем из-за камеры донесся свист мощных турбин – и тишина воцарилась окончательно.

Хаку отключил монитор. Пораженные, не верящие, драконы смотрели на темный экран.

– У них самолет, – растеряно заметил Хаку, ни к кому конкретно не обращаясь. – Вертикального взлета. Большой, туда Синдри поместился вместе с людьми.

– Самолет... – прошептал Рэй. – Но... Но... Как?

Крис посмотрел на Тилану. Черная драконесса кусала губы.

– Рэй, – сказала она сухо. – Скопируй кристалл из камеры, наложи на запись перевод Гуннара. Сделай шесть копий, одну спрячь в доме, еще одну на катере, остальные дай каждому из нас. Сам бери оригинал и лети на материк. У первого же поста доложишь в кланцентр обо всем, что видел, и запросишь срочную поддержку с

воздуха.

– Почему я? – опешил Рэй.

– Потому что я так сказала! – рявкнула Тилана. – Хаку, когда он улетит – после того, как улетит! – отнеси передатчик километров на пять от лагеря, свяжись со студией и начинай транслировать кристалл, а сам лети через пролив. Ясно?

– Д–д–да, босс... – выдавил техник. Его хвост нервно метался из стороны в сторону.

Тилана обернулась к серебряному.

– Крис, Гуннар, – она хрипло вздохнула. – Вы полетите к людям. Ваша задача: сделать все, чтобы они поверили, будто мы ни о чем не подозреваем. Торгуйтесь с королем, тяните время!

– А ты чем займешься? – глухо спросил зеленый великан.

– Спасением твоего сына! – огрызнулась Тилана. – Я пущу камеру в облет гнездовья. Пока вы будете отвлекать людей, я разыщу Синдри по сигналу его микрофона.

Хаку вскочил.

– Я приделаю к камере разрядник!

– Только быстро, – кивнула Тилана.

Шли низко. Темный, воистину дремучий северный лес проносился под крыльями, будто грубая шерсть исполинского мамонта, где отравленными стрелами торчали отдельные высокие деревья. Под заповедник был отдан весь остров, хотя большая часть людей обитала в центральном районе. Оттуда, уже за километры, несло зловонием – чуткое обоняние драконов реагировало на запахи, которые люди даже не замечали. Окруженное полями и селениями, главное человеческое гнездо темнело на далеком холме.

– Гуннар! – крикнул Крис, нагоняя зеленого, – Откуда у людей оружие?

Последняя война отгремела двенадцать тысяч лет назад, забрав жизни почти всех обитателей планеты! Как могло оружие сохраниться так долго?

Зеленый хмуро качнул головой.

– Раскопали, наверно. Наследие...

– Никакая техника не выдержит сто двадцать веков покоя! Их самолет и снаряжение рассыпались бы ржавой пылью задолго до первых цивилизаций Юга!

– Может, и рассыпались бы, – глухо ответил дракон. – А может, и нет...

– Кто они, Гуннар? – с тревогой спросил Крис. – Тебе ведь известно!

– Звери.

– Хватит! – рявкнул серебряный. – Я должен знать!

– Поверь, Крис, – Гуннар покачал головой. – Не должен.

– Я сейчас рискую жизнью ради твоего сына, – укоризненно бросил дракон. – Неужели я не заслуживаю хотя бы правды?

Зеленый бросил на спутника тяжелый взгляд. Долго молчал, ритмично загребая крыльями воздух.

– После Огнепада цивилизация человека рухнула не сразу, – отозвался наконец великан. – Они боролись еще лет пятнадцать. Но радиация в атмосфере косила людей, каждый второй подыхал от рака. Их последней надеждой стал проект "Спора".

Крис содрогнулся.

– Откуда ты знаешь?!

– Не перебивай, – хмуро сказал зеленый. – На этот проект они поставили все. Если б не "Спора", остатки человечества продержались бы, наверно, еще лет двести. Но они растратили последние ресурсы, а главное – всех здоровых детей. Игра шла ва банк, и, если б не мы – у людей бы все получилось.

– Мы? – переспросил Крис. – Драконы?

Гуннар криво усмехнулся.

– Нет, друг. Драконы ничего не знают. Я говорю о своем клане! Мы, клан Олле Краснорогого, сорвали проект "Спора" и похоронили надежду человека вновь захватить этот несчастный мир.

– Как? – спросил Крис после длительной паузы.

Гуннар вздохнул.

– Люди построили установку, создававшую "червоточину" во времени. Одностороннюю, путь открывался только вперед, разведчики не могли даже сообщить домой о результатах разведки. Это был прыжок в омут с завязанными глазами, Крис – в слепой надежде, что по ту сторону ждет дивный новый мир.

Дракон хрипло выругался.

– Энергии, оставшейся в распоряжении человека, хватало лишь на два запуска "Споры". Не имея возможности узнать, куда ведет червоточина, они положились на удачу. Сначала в установку отправляли отряд солдат, за ними – со смещением точки выхода в один год – шли колонисты, в основном дети и женщины, способные рожать. Задача солдат – любой ценой обеспечить безопасность колонистам, которые появятся в том же месте через год. Задача колонистов – выжить. После второго запуска "Спора" разрушилась, энергия иссякла и, менее чем за десятилетие, человечья цивилизация перестала существовать. Их место заняли мы.

Гуннар скрипнул зубами.

– Первая волна вышла из червоточины около двух тысяч лет назад. Здесь, на острове Укка. Мой клан бился с солдатами – и победил, а затем уничтожил колонистов. Но мы знали, помнили, что "Спору" включали дважды. Потому–то я и работаю здесь, Крис. Потому–то мой клан и добился, чтобы всех выживших людей собрали сюда, в заповедник, где их можно прикончить одним ударом. Мы ждем гостей уже двенадцать тысяч лет, и вот, наконец, дождались. Долг крови скоро будет отдан.

Изумленный Крис долго молчал, механически ударяя крыльями. Впереди уже виднелась берлога короля Эйрика.

– Убивать женщин и детей, последних из своего рода, это долг крови? – спросил наконец серебряный дракон. Его голос дрогнул.

– А травить последних крыс на корабле, это геноцид? – Гуннар зло усмехнулся.

– Люди не крысы.

– Верно. Крысы – милые зверьки с потрясающей волей к жизни, – очень серьезно ответил зеленый. – Ради крыс, мы бы не похоронили свой клан здесь, на

краю света, двенадцать тысяч лет назад. Как себя вести при нападении, помнишь? Вводи вакцину и будь рядом.

Он заложил вираж, планируя к логову по широкой дуге. Потрясенный Крис молча летел следом.

Драконов ждали – это было совершенно ясно. У ворот в берлогу собралась большая толпа во главе с Эйриком, сменившим по такому случаю пестрые парадные доспехи на тускло–металлические боевые. Когда Крис и Гуннар, хлопая крыльями, опустились на землю, среди людей раздались воинственные возгласы, толпа жарко подалась вперед, будто голодный зверь при виде добычи. Крис невольно попятился, но Гуннар остался недвижим. От напряжения его крылья подрагивали.

– Буду краток, – свирепо произнес гигант. – Если с моего сына упадет хоть чешуйка, я зачищу это гнездо. Ты знаешь, Эйрик: я слов на ветер не бросаю. Отпустите Синдри невредимым – клянусь, в течение двух–трех дней я верну тебе дочь. Не отпустите – умрете все. Я сказал.

Король усмехнулся. Было заметно, с каким наслаждением он следит за муками ненавистного "ящера".

– Не много ли шума, дракон? – насмешливо спросил Эйрик. – Тебе не интересно, как я оказался дома, вместе с твоим змеенышем?

Гуннар с хрустом сжал когти.

– Что, раскопал пару старинных гранат? – дракон фыркнул. – Жалкая тварь! Твое доисторическое оружие не сумело повредить даже нам пятерым!

– Не сумело? – переспросил Эйрик. – Ничтожество! Мы могли перебить вас, пока вы валялись в грязи! Могли заковать в цепи и доставить сюда на потеху толпе! А могли выжечь всю дурь... – добавил он яростно. – Вот мое слово: Хельга возвращается невредимой, а тебе я лично отрубая голову, и тогда, слово короля, твое отродье получит свободу.

– Послушай–ка лучше МОЕ слово, – хрипло ответил Гуннар. – Я внук Олле Краснорогого, чьим именем ваши самки до сих пор пугают своих выроdkов. Мой клан истребил больше людей, чем рождалось на этом острове за последнюю тысячу лет! Если думаешь, что я хоть на миг промедлю, прежде чем вырезать весь твой род, обезьяна – ты еще тупее, чем кажешься!

Он шагнул вперед и ткнул когтем в сторону короля:

– Повторяю последний раз: вернешь Синдри живым и здоровым – получишь дочь. Не вернешь – я просто залью весь остров ядовитым газом!

– Кишка тонка! – рявкнул король.

– Да ну? – усмехнулся Гуннар. – Правда? А чем я рискую, Эйрик? Тюрьмой? Штрафом? Переживу! Зато люди перестанут наконец отравлять воздух МОЕГО МИРА! – прорычал дракон.

– Это мой мир, – дрожа от ненависти, процедил человек.

Несколько секунд они в бешенстве смотрели друг на друга. Но внезапно, молчание прервал мягкий баритон серебряного дракона:

– Вы мне противны, – негромко сказал Крис. – Вы оба. Земля без вас действительно станет чище.

Гуннар, вздрогнув, обратил к серебряному недоумевающий взор.

– Чего?!

– Вы же совершенно одинаковые, – тихо ответил дракон. – Посмотрите на себя. Спорите о жизни двух ни в чем не повинных детей, грозитесь истреблять народы! Вам не страшно?!

Содрогнувшись, Крис шагнул вперед и опустился перед королем на колени.

– Я прошу прощения за своего сородича, – сказал он хрипло. – Мне стыдно, что мы с ним одной крови.

– Крис! – пораженный Гуннар попятился. – Ты спятил?!

Эйрик недоверчиво глядел на серебряного.

– И что это значит? – спросил он после паузы.

Крис встал.

– Я даю слово, твою дочь вернут невредимой, – сказал дракон. – А до тех пор, я добровольно соглашаюсь стать пленником. Это чудовище, – он кивнул на Гуннара, – не рискнет напасть на твой город, пока в нем буду я. Драконы не убивают драконов. Это наш самый главный закон. Его ни разу не преступили за двенадцать тысяч лет.

Король в глубокой задумчивости провел рукой по седым волосам.

– Я должен поверить ящерице?

– Ты ничем не рискуешь, – коротко отозвался дракон. – Просто получишь еще

одного заложника.

– Крис, опомнись! – Гуннар схватил серебряного крылом за плечо и рывком развернул к себе. – Что ты делаешь?!

– То, что давно следовало! – рявкнул дракон. – Чем ты отличаешься от этого человека, Гуннар? Когтями? Чешуей? Вы даже мыслите одинаково! Меня тошнит от вашей нетерпимости!

– На Земле нет места людям, – гигант в бешенстве хлестнул себя хвостом. – У них было время! Этот мир действительно принадлежал им, весь, целиком! И посмотри, что с ним стало!!!

Он рубанул крылом воздух.

– Кому нужно твое благородство? – с презрением спросил Гуннар. – Этим свиньям? Которые только и мечтают снять с тебя шкуру и пустить крылья на барабаны? Что и кому ты доказываешь, Крис?

Дракон в ярости обвел рукой местность.

– Думаешь, это игра? Или книга? Думаешь, в реальной жизни кого-то заботит "мораль" и "этика"? Очнись, крылатый! Существует только один закон – закон джунглей, и понять его очень просто. Либо мы – либо они! По-другому не получается!

– А ты пробовал? – коротко спросил Крис. – Сколько лет ты сторожишь заповедник? Сто? Двести? Ты хоть раз пробовал обращаться с людьми, не как с животными?

– И как прикажешь с ними обращаться? – фыркнул Гуннар. – Как с равными?

– Это так трудно? – Крис прищурил глаза.

– Это невозможно!!! – рявкнул зелено-бурый. Резко шагнув вперед, он внезапно ударил серебряного крылом по лицу, сбив его с ног.

– Думаешь, ты все знаешь? – свирепо спросил Гуннар. Его грудь судорожно вздымалась, воздух со свистом прорывался сквозь ноздри. – Думаешь, вправе судить нас из своего теплого гнездышка? Или, думаешь, я все рассказал?!

Он вскинул руку и сильно, со скрипом, процарапал когтями левый рог. Крис вскрикнул – бурая краска осыпалась мелкой пылью, обнажив пылающий алый.

– Мое настоящее имя Олле, – яростно бросил дракон. – Я не внук основателя

клана. Я и есть основатель!

– Но... – потрясенный Крис дергал хвостом. – Сколько же тебе лет?!

– Слишком много, – отозвался Олле. – Я вылупился за тридцать два года до Огнепада.

Он рывком опустился на колено и придвинулся к серебряному вплотную.

– Эпохи уже давно не оседают в памяти, – задыхаясь от гнева, сказал дракон. – Век утекает за веком, растворяясь в рутине. Но я как сегодня, во всех мелочах помню каждый миг тех тридцати двух лет, что провел в рабстве у человека!

– В рабстве?.. – слабо спросил Крис. Его трясло.

– Тебе не понять, – Олле выпрямился, тяжело дыша. – Ты интеллигентный городской дракончик, не видевший ничего страшнее ржавого экскаватора. Просто верь мне, Крис: я жил на свете дольше, чем существуют иные горы, я видел все.

Он указал крылом на молчавших людей.

– Это ЗВЕРИ, – сухо произнес Олле. – Ты смотришь, как они разговаривают, любят своих детенышей, строят дома – и думаешь, что они ничем не отличаются от нас. Но они отличаются, Крис. Они ДРУГИЕ.

– А разве преступление – быть другим? – выдавил серебряный.

Олле криво усмехнулся.

– Преступление – быть человеком.

Он обратил взгляд к напряженно слушающему королю.

– После Огнепада я, а затем и мой клан, сделали все, чтобы очистить от вас Землю, – глухо сказал дракон. – Мы почти справились. Одно время людей фактически истребили, и я даже верил, что скоро освобожусь от проклятой многовековой вахты. Но такие, как он, – коготь указал на Криса, – изнеженные, наивные, не знавшие смерти, придумали "этику". Они возомнили, что лучше самой Природы разбираются в жизни, решили, будто эволюция и естественный отбор на разумных не распространяются. И доигрались! – крикнул Олле. – Мы тысячи лет не видели войн, само это слово осталось лишь в сказках о человеке! Мы начинаем возрождать Землю, которую вы убили! У этого мира, впервые с тех пор, как одна бактерия сожрала другую, появился шанс отказаться от закона джунглей! Отказаться от МЕНЯ! – прорычал дракон. – Не стоило будить Олле Краснорогого, человек. Я

страшнее, чем истории, что вы обо мне помните!

Распахнув крылья, он издал кровожадный вопль и прынул в небо, быстро исчезнув вдали. Потрясенный, уничтоженный Крис обратился к Эйрику:

– Спасайтесь, – взмолился серебряный.

Бледный король неуверенно рассмеялся.

– Ерунда, у меня его сын!

– Ты не понял? – простонал Крис. – Он сам, не моргнув, убьет мальчика!

Тяжело дыша, серебряный поднялся с земли. От боли и гнева у Криса мутилось в глазах.

– Так не должно закончиться, – выдавил он, дрожа. – Мы этого не заслужили. Нас не должны помнить чудовищами!

Дракон обратил взгляд огромных янтарных глаз к королю.

– Собери сотню молодых самок и пару десятков здоровых, сильных самцов. У меня есть катер, я спасу вас прежде, чем Олле взорвет остров.

Эйрик попятился.

– Взорвет остров? – переспросил он.

– А куда он летит, по-твоему?! – крикнул дракон. – Думаешь, у такого, как он, не припрятана Бомба на черный день?!

Крис в бешенстве ударил хвостом.

– Здесь не заповедник! Он собрал всех людей на острове, чтобы разом уничтожить, когда из прошлого появится вторая волна колонистов!

Король уронил меч.

– Откуда ты знаешь?! – прошептал он посеребрившими губами.

Дракон с мукой зажмурился.

– Где капитан Роберт? Переведи ему мои слова! После взрыва остров станет радиоактивен, колонисты погибнут. Ваш единственный шанс – просить Совет Кланов о помощи!

Бледный, как тысяча трупов, Эйрик обернулся к толпе и выкрикнул имя. Человек в необычной облегающей одежде темно-зеленого цвета подбежал к королю.

– Переводи, – Крис быстро заговорил. – У нас почти нет времени. Катер стоит у причала, где мы снимали программу, срочно везите туда людей на самолете, или

любом другом транспорте! Я уверен, Олле применит нейтронную бомбу, чтобы остров быстрее вновь стал пригоден для жизни, так что ударная волна будет не очень сильной, но гамма-поток пронзит что угодно. Не плывите в открытое море, спрячьтесь за холмом, пока не промчится излучение! Я постараюсь задержать Олле, насколько смогу... Прощайте! – крикнул дракон, разворачивая крылья.

– Стой! – воскликнул король. – Ты с ним не справишься! Возьми оружие!

– Драконы не убивают драконов, – с горечью отозвался Крис.

Человек в зеленом уже бежал к городу, крича в небольшую рацию. Серебряный взмыл навстречу облакам.

Ему было страшно.

Вид бревенчатого дома с высоты птичьего полета, вначале показался Крису ночным кошмаром. Мозг не сразу обработал невозможную картинку – пару секунд дракон переваривал увиденное, а затем, с воплем, рванулся вниз. Окровавленная Тилана приподняла голову.

– Идиот... – прохрипела она. – С рычанием... В ловушку...

Крис не успел понять ее слов – из дома внезапно рванулась буро-зеленая молния и жестокий удар отшвырнул дракона на десять метров. Он покатился по траве, задыхаясь от боли в сломанных ребрах – "стенобитное орудие", вспомнились слова. Взбешенный Олле хлестал себя хвостом.

– Я так и думал, что при виде подружки ты потеряешь голову... – рявкнул он, надвигаясь на Крису.

– За что?! – крикнул серебряный.

Олле кляцнул зубами.

– Где боеголовка? – спросил он свирепо. – Я видел драконьи следы у ангара.

– А?! – ошалелый Крис приподнялся на крыле. – Какие следы?!

Буро-зеленый перебрал плечами и жестоко, с места, ударил серебряного ногой

под живот. Углепластиковый защитный треугольник разлетелся вдребезги, Крис задохнулся, скрутился колесом, из носа брызнула кровь.

– Повторяю вопрос, – Олле наступил ему на крыло. Кости жалобно затрещали.

– Не знаю!!! – выдохнул Крис, корчась от боли. – Не знаю!!!

Следующий удар пришелся в плечо, серебряный покатился по траве, ломая крылья и волоча выбитую руку. Олле одним прыжком оказался рядом, схватил Криса за челюсти. Придвинулся вплотную.

– Спрашиваю последний раз, – размеренно произнес убийца. – Где боеголовка?

Стальные когти разжались, вернув Крису способность говорить. Он с трудом разлепил губы.

– Я не знаю... – дракона била крупная дрожь. – Не знаю... Не знаю!!!

– Оставь его! – прохрипела Тилана. – Я утопила твою бомбу, я!

Олле судорожным рывком обернулся.

– Ты?! – переспросил он.

– А кто же еще? – выдавила израненная драконесса. – Я все слышала... Через ресивер...

Дернувшись, зеленый схватил себя за рог и, хрипло закричав от бешенства, сорвал микрофон. Так сдавил, что приборчик с хрустом превратился в горячий комок металла.

– Будьте вы прокляты!!! – проревел Олле, вскинув руки. – Предатели!!!

Зажмурившись, великан пару секунд тяжело дышал, приходя в себя.

– Ничего, – выдавил он наконец. – Думаете, вы победили? Да? Вы просто отсрочили неизбежное. Теперь и для вас неизбежное.

Рывкнув, буро-зеленый на миг скрылся в ангаре, чтобы вернуться с массивным планшетным компьютером.

– Полчаса, от силы, и детектор приведет меня к боеголовке, – бросил он израненным драконам. – Вот цена вашей жизни. Половинка паршивого часа. Оно того стоило, а?

Серебряный находился на грани беспомощности, но сумел одолеть чудовищную боль и приоткрыл глаза. На губах пузырилась кровь.

– Тысячу тысяч раз... – прохрипел он, дрожа.

– Дурак, – усмехнулся Олле. – Здесь не рыцарский роман.

Бросив на умирающих сородичей последний взгляд, он фыркнул и взмыл в небо. Тилана, израненная не так сильно, подползла к серебряному и уложила его голову на колени.

– Прости... – выдавил Крис. – Я пытался...

– Балбес, – черная драконесса всхлипнула. – Ну почему все мужики такие идиоты, почему?

Крис опустил веки. Силы стремительно его покидали.

– Доберись до катера... – прошептал серебряный дракон. – Всего полчаса... Спасись хотя бы ты!

Тилана лизнула его в нос.

– Я не топила боеголовку, дубина, – шепнула она тихо.

Крис приподнял веки.

– Что? – прошептал он, не веря.

– Я дракон, – слабо улыбнулась Тилана. – У меня есть разум. Я сломала детектор, а боеголовку просто откатила за дерево. Она тяжеленая. Этот идиот даже не подумал, как я могла дотащить ее до озера. Он там долго будет летать со своим датчиком... – крылатая засмеялась сквозь слезы. Потрясенный Крис молча моргал.

Вдали уже слышался вой турбин – к пристани мчались несколько самолетов, и человечьи, и драконьи. Счастливо вздохнув, серебряный обмяк на коленях у драконессы, судорожно стиснутые когти разжались.

Тилана заплакала.

Эпилог

Утопавшая в кристальной утренней тишине, пристань вызывала острое чувство дежавю. Солнечные лучи осторожно крались сквозь листву, обращая землю в бесконечно изменчивый гобелен, цветы восторженно приветствовали бога света.

Капли росы на перилах обычно сравнивают с алмазами, или, хотя бы, с хрусталем, но сейчас, в радостных лучах утреннего Солнца, они казались детенышами звезд.

Сверкающий диск отеля простирался над лесом, будто грандиозный щит, под которым сама Земля заботливо укрывала хрупкую жизнь. Чтобы не затенять деревьев, отель медленно плавал на антигравитационных опорах, время от времени пролетая над озером, чья вода в эти минуты наполнялась ликующим блеском. Молча, не шурясь, Тилана смотрела на солнце.

– Тетя Тортилла! – веселый голос снизу заставил ее улыбнуться. Девушка лет двадцати, державшая годовалого ребенка, скромно коснулась блестящего крыла.

– Да, Хельга? – ласково спросила драконнеса.

– Мы опоздали?

– Ну... – Тилана подмигнула. – Немного.

Принцесса вздохнула.

– Почему?

– Так просил твой отец.

– Папа? – с удивлением переспросила Хельга. – Просил опоздать?!

Тилана улыбнулась.

– Запомни, дракон никогда не опаздывает. Дракон появляется вовремя.

– А! – Хельга рассмеялась. – Папа читал мне ту книгу. Только в ней говорилось о магах... – она лукаво прищурила глаз. Тилана развела крыльями.

– Да, тебя не проведешь. Дело в том, что сегодня из прошлого явятся колонисты, и чуть ли не все журналисты Земли собрались у вашего замка. Вот почему Эйрик просил не торопиться.

– Ясно... – протянула девушка.

Тилана рассмеялась.

– Не горюй, самое интересное уж точно не прозеваешь! – она подмигнула. – Вообрази–ка лица этих людей, когда их встретит делегация драконов.

Хельга невольно поежилась.

– Да, им не позавидуешь... Папа говорил, в те времена вы еще не были разумны.

Тилана помрачнела.

– Он ошибается.

– Правда? – удивилась девушка.

– Правда, – драконесса отвернулась. – Я знакома с одним... существом, жившим в то время.

Догадавшись, о ком вспомнила Тилана, принцесса вздрогнула и быстро коснулась черного крыла.

– Прости. Я не хотела.

– Пфхррр, тоже мне! – крылатая опомнилась и аккуратно подняла девушку, усадив за локтем. – Летим?

Хельга обхватила мускулистую драконью лапу, другой рукой покрепче прижав ребенка к груди.

– Готова!

– От хвоста! – рассмеялась Тилана и взмахнула блестящими крыльями. Быстро набрав высоту, она перешла к планированию и заложила длинный, пологий вираж в направлении к огромному парку, разбитому на месте прежней чащобы. Там, у центрального небоскреба, сверкавшего мириадами зеркал, волновалась настоящее море из разноцветных крыльев, хвостов и рогов. Вспышки бесчисленных фотоаппаратов были видны даже отсюда.

Черная драконесса свернула задолго до небоскреба – ее ждали не там. Километрах в семи от центральной площади, в декоративной роще у фонтана, небольшая группа людей и крылатых собралась у памятника, накрытого белой тканью. Тилана приземлилась и бережно опустила девушку.

На шум крыльев все обернулись; один из людей издал радостный возглас.

– Хельга! – король Эйрик подбежал к дочери. – Наконец... Уж не чаял увидеть, родная! – он уставился на ребенка. – Какой большой! Неужели прошло столько времени?!

– Ему сейчас годик, – смущенно отозвалась принцесса.

– Целый год! – изумленный Эйрик провел ладонью по седой гриве волос. Девушка протянула ему ребенка:

– Иди к дедушке, – сказала весело. Король прижался лбом ко лбу малыша, глубоко вдохнул. Не желая нарушить момент, Тилана тихо отошла к группе драконов.

– Ну, как вы? – спросила у худого, долговязого красно–коричневого. Хаку развел крыльями:

– Да вот... Приглашают на Марс.

– Шутишь?! – восхитилась драконесса. – Туда ж попасть нереально!

Техник смущенно потупил взгляд.

– Думаю, лететь, нет...

– Он еще думает! – возмутилась Тилана. – Попробуй не согласиться, я тебя первой уволю!

– Да, босс! – дракон просиял.

Крылатая обернулась к Рэю, скромно стоявшему рядом.

– Ну, а ты? Слышала, твоя книга стала бестселлером.

– Я только писал правду, – скромно ответил дракон.

– Верно... – Тилана вздохнула. – Наша правда любому вымыслу фору даст, – она помолчала. – Чем планируешь заняться?

– Я хочу вернуться в программу, – быстро сказал юноша. Драконесса вздрогнула.

– Но... – она отвела взгляд. – Передача, наверно, уже не возродится. Там все держалось на Крисе, без него... Смысла нет.

Рэй поник.

– Тогда я просто вернусь на канал "Природа". Ведь будут и другие передачи, где нужен оператор, да?

– А как же! – отозвалась Тилана. – Молодец!

Взгляд ее ярких оранжевых глаз остановился на юном зеленом драконе, стоявшем отдельно от прочих. Угрюмый и мрачный, он резко выделялся на фоне празднующих.

– Синдри! – позвала Тилана. – Что там потерял? Иди к нам!

Юноша вздрогнул, и, нехотя, покачал головой. Драконессе самой пришлось к нему приблизиться.

– В чем дело? – спросила она тихо. – Малыш, ты сам не свой.

Синдри бросил на Тилану затравленный взгляд.

– Все хорошо, – выдавил он через силу. Драконесса нахмурилась.

– Тебе звонил отец? – спросила сурово. – Где он?

Юный дракон замотал головой.

– Нет, нет! Отец не звонил!

– В чем же дело?

Синдри поник. Долго молчал, не в силах поднять взгляда.

– Тилана, понимаете... – он нервно передернул крыльями. – Я знаю отца лучше, чем любой из вас. Он никогда не сдастся. Глава самого влиятельного северного клана, отец тысячи лет сторожил этот остров в ожидании врага – и все его надежды были связаны с ржавой боеголовкой в сарае? – Синдри сглотнул. – Ну не может быть, чтобы отец не подготовил резервного плана. Просто не может!

Тилана помолчала, со странным сочувствием глядя на мальчика.

– Мы тоже думаем, что Олле попытается еще раз.

– Мы? – переспросил Синдри.

– Новый комитет по человеческим вопросам. Я его возглавляю, – драконесса тяжело вздохнула. – Видишь ли, Синдри... В реальной жизни все куда сложнее и запутанней, чем в сказках. Двенадцать тысяч лет вражды за год не исчезнут. Благодаря Крису, мы каким-то чудом сумели избежать катастрофы, но это не значит, что все опасности миновали, и отныне драконы с людьми заживут припеваючи.

Тилана развела крыльями.

– Нас ждет огромная, многолетняя работа, малыш. И даже твой отец с целым кланом кровожадных помощников – не самое страшное.

– Есть и страшнее? – тихо спросил мальчик.

Тилана нехотя кивнула.

– Да, Синдри. Самое страшное – если драконы увидят в людях угрозу. Сейчас мы ликуем, встретив новый разумный вид, о будущем никто не задумывается. А когда задумаются – вот тогда, малыш, твой отец нам покажется милым и совсем-совсем не опасным. Поскольку речь пойдет о самом праве драконов именоваться разумными существами.

– Мы справимся? – крылатый напрягся в ожидании ответа. Тилана твердо кивнула:

– Справимся.

Синдри вздохнул с облегчением.

– Тогда давайте уж начинать праздник, да?

– Без главного героя? – улыбнулась Тилана. Вздохнув, она потрепала мальчика по голове и подошла к некрупному серебряному дракону, сидевшему в инвалидной коляске.

– Что скажешь, герой? – ласково спросила драконесса. – Пора начинать?

Крис слабо шевельнул загипсованными крыльями.

– Бред какой-то... – он почесал за рогом. – Кто слышал открывать памятник самому себе?

– А нечего было геройствовать, – сурово отозвалась Тилана. – Был бы умнее – и остров бы спас, и сам бы в больницу не угодил, и... – она со вздохом развела крыльями, – ...и памятник бы не заработал, это уж как пить дать. Умным памятники не ставят. То удел героических глупцов.

– Вроде нас, – с усмешкой добавил Крис. Оба весело рассмеялись и, как-то разом, умолкли, вспомнив каждый о своем. К драконам подошел улыбающийся король Эйрик с ребенком на руках.

– Мы готовы, – заметил он.

Вздохнув, Крис смущенно кивнул и, подкатившись в коляске к памятнику, сорвал покрывало. Глазам собравшихся предстала странная композиция – угловатые, собранные из пересекающихся плоскостей абстрактные фигуры, отдаленно напоминавшие дракона, лежавшего на спине. Голова дракона покоилась на коленях столь же абстрактной черной драконессы из гнутых эллипсоидных балок. Впрочем, догадаться, что речь идет именно о драконессе, а не драконе, могли только непосредственные участники событий. Всем прочим монумент представлялся далеким от реальности плодом неумной фантазии скульптора.

– Гм... – протянула Тилана. – Я несколько иначе его представляла.

– А по-моему, здорово! – заявил Крис. – Главное, непонятно, кто это там лежит.

Драконесса фыркнула.

– И не надейся, герой... – она кивнула на табличку с надписью "Крису и Тилл от благодарного человечества". Серебряный смущенно вздохнул.

– Мало ли драконов с такими именами...

– Таких, как вы, мало, – очень серьезно ответил король.

Все замолчали, разом вспомнив о прошлогодних событиях. Тилана бросила на Эйрика задумчивый взгляд.

– Знаешь... – протянула она тихо. – А я вот все думаю... Что было бы, поменяйся мы местами? Нашелся бы среди людей такой вот Крис, готовый отдать жизнь за спасение последних драконов?

Эйрик долго не отвечал, глядя на памятник.

– Думай лучше о другом, – заметил он после паузы. – Нашелся бы среди драконов такой вот Эйрик, который стоял бы здесь, рядом с теми, кто двенадцать тысяч лет истреблял его народ?

Все переглянулись.

– На некоторые вопросы лучше не отвечать, правда? – с натянутой улыбкой спросил серебряный.

– Точно, – хором отозвались друзья.

Конец